

ДЕНЬ ПРАВДЫ И ЛЖИ

An anime-style illustration of a man and a woman with long, flowing white hair. The man, on the left, is wearing a black cloak and has his eyes closed as he leans his head against the woman's. The woman, on the right, is also wearing a black cloak and has her eyes closed. They are embracing each other. The background is a dark blue night sky filled with stars and constellations. The overall mood is romantic and mysterious.

МАРИ
ВУДС

18+

Мари Вудс

День правды и лжи

<https://litres.ru/74648072>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга для всех, кто зачитывался темным ромэнтэзи Ребекки Яррос, Сары Дж. Маас и Кассандры Клэр. Мастерски выполненный слоуберн с тропом from haters to lovers и захватывающим магическим сюжетом.

Когда-то я верила в силу, в себя и свой Отряд. Теперь верю только в кофе и в то, что доживу до дня, когда отдам все долги. Мою душу заложили ещё до моего рождения и оставили единственный выбор — попробовать выжить.

Меня зовут Кайла. Моего Отряда больше нет. Земля покрывается льдом, а мой мир держится на надежде и кофеине.

А потом в моей жизни появляются эти двое — мой враг и мой новый союзник, от которого мне стоило бежать ещё в самом начале.

Раньше горели только мосты за спиной. Теперь горит весь мой мир. Изнутри.

Если это любовь — у неё вкус пепла.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	38
Глава 3	77
Глава 4	107
Глава 5	122
Глава 6	168
Глава 7	187
Конец ознакомительного фрагмента.	189

День правды и лжи

Глава 1

Isaz Остановка. Заморозка. Ожидание.

Единственным оставшимся звуком был шум пульсирующей по венам крови.

Воздух застывал прямо в лёгких. Начался снег. Снежинки ложились на асфальт рядом со мной и таяли.

Я была одной из них.

Снежинкой, летящей навстречу своему концу.

— Там было минус двести семьдесят, а ты всё ещё жива, *ma belle*. Ты Снежная Королева?

Его голос вырвал меня из расползающегося по нитям сна. Он склонился над кроватью, нечеткий в лучах восхода. Светлые волосы, подсвеченные солнцем, делали из него ангела в сияющей короне. Я не видела его лица — оно было в тени.

Попыталась встать, но сил не хватило даже приподнять голову. Простыня подо мной была тонким куском льда. А потом мир смешался в хаос, и я снова провалилась в темноту.

Когда я открыла глаза, на улице была ночь. Непроглядные тучи глотали луну и дрожащие жёлтые звёзды. А в моей комнате горел огонёк свечи, зажжённой чьей-то заботливой рукой. Через высокие французские окна с кровати я могла рассмотреть только макушки старых кленов. Дом тоже был

старым. Или скорее древним. Всё, начиная от балок на потолке и заканчивая столиками и креслами, годилось для каталогов музея.

Картины на стенах однозначно были подлинниками. На одной из них девушка обнимала полосатую кошку. Обе они спали. На другой кошка, тоже полосатая, не спала, а смотрела на меня, а девушка — на кошку. На третьей картине, вышедшей из-под кисти того же Ренуара, кошка лежала на коленях, свернувшись уютным клубком.

Хозяин дома явно был поклонником импрессионизма и любителем кошек. Я полежала ещё несколько минут, раздумывая, как хитро должен быть устроен мой мозг, способный сохранить такие сложные названия, как «импрессионизм», но не способный удержать моё собственное имя или хотя бы какое-то событие из моей жизни.

Там, где должны были быть воспоминания — не было ничего.

Я посмотрела на свои руки: тонкие пальцы, длинные золотые ногти. Золотой ободок кольца. Отбросила одеяло. Кто-то заботливо одел меня в рубашку из невесомого батиста. В тонкой ткани чувствовалась ручная работа. Ногти на ногах тоже оказались золотыми.

Я обвела глазами комнату в поисках предмета с отражающей поверхностью, надеясь, что я вспомню себя, как только увижу. Все свободные стены были заняты шкафами для книг. Напротив кровати стоял шахматный столик с двумя

креслами. Но ничего, похожего на зеркало, не было. Зато была ещё одна дверь, которую я не заметила вначале.

За ней оказалась ванная. Увидев себя в зеркале, я решила, что тот мужчина, назвал меня Снежной Королевой совершенно правильно. На коже, на волосах и ресницах блестели снежинки инея — кажется, я ещё полностью не разморозилась. Живыми были только глаза. И только они имели цвет. В них, как в тропическом море, смешивались все оттенки зелёного и голубого.

Девушка в отражении была мне незнакома. Высокая, стройная. Светлые волосы спускались до низа спины, завиваясь мягкой волной. Лицо — из тех, что запоминаются сразу: в нём чувствовалась примесь разных кровей. Высокие скулы, тонкий прямой нос, чётко очерченные губы — всё складывалось в красивое, но чужое лицо.

Я провела по щеке кончиками пальцев, а потом комната опрокинулась и все стены, потолок и пол раскрылись, открыв путь в разные стороны тёмного лабиринта.

Когда я очнулась, над деревьями поднималось сияющее солнце. Мужчина, сидящий на моей постели, наблюдал за рассветом. А я наблюдала за ним. Я притихла, стараясь почти не дышать и не шевелиться, чтобы не выдать, что я уже не сплю.

Он напоминал мне капитана, следящего за бесконечной водной гладью со своего капитанского мостика. Морскому ветру в самый раз было бы развеять его светлые волосы,

солнцу — целовать загорелое лицо, а сильным рукам — сжимать штурвал, посылая корабль по волнам навстречу новому дню. Будь он моряком, он был бы, скорее всего пиратом, потому что в облике его мне почудилось что-то хищное.

Он почувствовал мой взгляд и повернулся. Глаза у него оказались синие, насмешливые.

—Мы знакомы? —спросила я, заранее чувствуя ответ. Он улыбнулся, обнажив гладкие белые зубы, и покачал головой.

—Что я тут делаю? —спросила я, приподнимаясь на постели, чтобы лучше его видеть.

—Это неправильный вопрос, *ma belle*, —негромко сказал он, наклоняясь ко мне.

—А какой правильный?

—Подумай.

—Как я тут оказалась? — я замерла, ища в его лице хотя бы намёк на разгадку. Заметив моё внимание, он улыбнулся снова, а я подумала, что он, наверное, из тех мужчин, по которым женщины сходят с ума.

—Ты попала в аномальную зону, *ma belle*, и превратилась в ледышку. Но ты выжила, и я хотел бы знать, как тебе это удалось.

—В аномальную зону? —спросила я, чувствуя, как сердце на миг замирает.

—Да, в одну из двух. —пояснил он. —В момент обледенения там был почти абсолютный ноль. Потом потеплело до минус пятидесяти и мне удалось тебя оттуда вытащить. Рас-

скажи мне о себе. Как ты там оказалась?

—Я ничего не помню. Ни имени, ни прошлого. — показала я головой. От этого движения ещё острее почувствовалось пустое пространство внутри черепной коробки.

—Значит, начнем с чистого листа, — улыбнулся мужчина и протянул мне руку. —Кристиан.

Мне нечем было ему ответить, но он всё равно взял мою ладонь аккуратно, почти за кончики пальцев, и сказал с улыбкой:

—Рад с тобой познакомиться, прекрасная незнакомка.

Я подумала, что он сейчас поцелует мне руку, как в старых фильмах, и уже приготовилась забрать её, но он этого не сделал. Просто вернул мою ладонь обратно и отошел.

А мне нужна была хоть какая-то информация.

—Сильно я замёрзла?

—Как эскимо, —на лице Кристиана снова проявилась усмешка.

—Серьёзно? — подняла я бровь, чувствуя скованность этого движения. — После такого что, можно выжить?

—Снова неправильный вопрос, *ma belle*. — иронично приподнял уголки губ Кристиан. Очередная усмешка и этот его тон взвинтили, кажется, моё раздражение на тот уровень, где обычно тонкая ниточка рвётся, и я теряю терпение.

—Если тебе он кажется неправильным, это ещё значит, что он неправильный, — мой голос не теплее, чем минус двести семьдесят, и плевать, что комната угрожающе качнулась,

когда я попыталась принять вертикальное положение.

Кристиан подошел и стал рядом, придерживая меня.

—Осторожно, можешь упасть.

Я посмотрела на него, взглядом давая понять, чтобы убрал подальше от меня свои руки.

Но он только усмехнулся и добавил абсолютно серьёзно:

— Эмоции помогут тебе вспомнить.

Я задумалась.

Значит, он сделал это специально? Разозлил меня, чтобы вызвать эмоции? Ну что ж, попробуем.

—Любишь кошек? —спросила я примерительно, и глазами показала на полотна с кошачьими историями. — Или импрессионизм?

Кристиан ответил улыбкой, за которой скрывался ответ, скользнул взглядом по картинам, а потом снова посмотрел на меня.

—Разбираешься в искусстве?

Я пожала плечами:

—Возможно. А ты?

—Смотря, что ты понимаешь под искусством, *ma belle*.

—Ницше сказал, что искусство нам дано, чтобы не умереть от истины.

—Значит, Ницше и Ренуара ты помнишь, — рассмеялся мужчина. —А себя забыла?

Я пожала плечами.

Как будто я специально.

—Где моя одежда? Документы?

—Одежду пришлось выбросить. Сумочки при тебе не было.

—А что было?

—Чёрное платье от Валентино, золотые туфли Маноло Бланик. И золотое нижнее бельё от Харлетт, —последние слова Кристиан произнёс с лёгким оттенком интереса, словно пробуя на языке.

Золотое нижнее бельё и туфли? Вдобавок у меня золотые ногти.

Я покачала головой, пытаюсь уловить в этом смысл, но ни одна идея не пришла мне в голову.

—Выходит, мне нравится золотое, —сказала я вслух.

—Возможно, —кивнул Кристиан. —Или чёрное.

Я снова пожала плечами.

Если бы я знала!

—Может, у меня есть татуировки? —предположила я, искренне надеясь, что моё имя красуется где-нибудь у меня на предплечье. Вместе с моим адресом.

—Ни одной. —покачал он головой.

—Откуда ты знаешь? —прищурилась я.

—Я тебя раздевал, —спокойно ответил Кристиан, как будто раздевать незнакомую девушку было для него совершенно нормально. Хотя, судя по тому, как он себя ведёт, наверное, было. —К тому же портить своё совершенное тело каким-нибудь жалким изображением ты бы не стала. Ты яв-

но себя любишь, *ma belle*, — на его лице снова появилась эта улыбка, как будто ему было известно что-то, чего не знала я. И как будто ему это доставляло удовольствие. — Знаешь, сколько стоит твоё бельё?

Раздражение вспыхнуло быстро, как сухая трава: мгновенно и горячо. Я отстранилась, шаг назад — проводя черту между нами. Но его слова — эхом в памяти, уже звучали иначе.

Мягче.

Это была не издёвка, а новая попытка разбудить мои эмоции. Я чуть склонила голову, раздумывая над его словами. Конечно, он снял с меня одежду. И поинтересовался марками вещей, которые были на мне. Это было правильно — проверять любую зацепку.

Я подошла к шахматному столу, легко коснувшись доски. В голове кружил водоворот мыслей.

Этот мужчина спас мне жизнь. Принёс в свой дом. Отогрел. Мог бы просто отвезти меня в больницу, а не укладывать в свою постель в ночной рубашке, вытканной вручную.

Пальцы скользили по фигурам, исследуя расстановку. Гладкость полированного дерева я всё ещё не чувствовала, но смысл игры был мне понятен — белые проигрывали.

Если я превратилась в ледяшку, почему он не отвёз меня в больницу? Разве не так было бы правильно?

— Почему я тут, а не в больнице? — спросила я, поднимая ферзя и переставляя на другую клетку — теперь король

оказался в ловушке. Ни шага — ни туда, ни обратно.

Кристиан склонился над фигурами, внимательно изучая расстановку сил на доске.

— Тебя бы отвезли в морг, — ответил он, кладя короля на бок, чтобы подтвердить Мат.

— Всё было настолько плохо? — спросила я, осмысливая услышанное и возвращая ферзя на исходную позиции.

— Да. — кивнул Кристиан, поднимая короля и ставя его обратно на доску. Фигура глухо щёлкнула о дерево.

— И как ты узнал, что я выживу? — спросила я, оставляя шахматы и возвращая взгляд к нему.

— Я не знал. — ответил Кристиан, расставляя пешки ровными рядами друг напротив друга, как две маленькие армии.

— Тогда почему я здесь?

— А это важно? — спросил Кристиан, прищурясь. Предлагая мне очередную загадку, ни на одну из которых я пока не получила ответа.

Мне начало казаться, что это на самом деле не закончится — я никогда ничего не вспомню и ничего не пойму. Я вернулась к фигурам на доске и поправила их так, чтобы ряды были идеально ровными. Это простое действие хоть немного успокаивало. И кивнула:

— Конечно.

— Вряд ли. — покачал головой Кристиан. — Важно, что на Земле теперь появляются зоны, где всё живое моментально превращается в лёд. И мы не знаем, сколько их ещё будет.

На миг я застыла. В груди всё сжалось. Хотелось задать ему десяток вопросов. Где это было? Много ли людей пострадало, кроме меня? Удалось ли ещё кому-нибудь выбраться?

Но ответы на них уже ничего бы не изменили.

— Кроме тебя никто не пострадал, — негромко произнёс Кристиан, словно услышав мои мысли. — И я выставил охрану, чтобы туда больше никто не попал. Так что пока не о чем волноваться. — добавил он.

— Пока? — переспросила я.

Кристиан перевёл взгляд на меня.

— Что?

— Ты сказал: «пока не о чем волноваться».

Он чуть заметно улыбнулся.

— Именно.

И добавил: — Хочешь чаю, *ma belle*?

— Не знаю. — равнодушно пожала я плечами, паря в точке равновесия между желанием задать ему ещё вопросы и необходимостью выбрать один из десяти, пришедших мне в голову.

— Кофе? — настойчивее спросил Кристиан.

— Нет, не уверена. — покачала я головой.

— Шоколад?

— Не больше, чем чай. — ответила я уже чуть более раздражённо.

У меня нет ни памяти, ни чувств — только пустота.

Как я могу что-то выбрать?

—Тогда давай попробуем кое-что, —Кристиан усадил меня в кресло. —Посиди тут, я скоро вернусь.

А что ещё мне остаётся? Эта комната—единственное место, где я могу получить хоть какие-то ответы. Когда решу, какой вопрос лучше задать первым.

Я посмотрела на шкафы, полные книг. Я помню книги. Запах переплетной кожи, старой бумаги. Помню их корешки под своими пальцами: шершавые, обтянутые холстом переплеты, грубую растрескавшуюся кожу фолиантов, холод окоченных металлом обложек.

Я помню их.

Но прикасаясь сейчас, не чувствую ничего.

Я закрыла глаза, надеясь, что на ощупь смогу больше почувствовать. Использовать только одно из чувств, не отвлекаясь на другие. Погрузиться в мир, где мои руки держали томик Ницше или может какой-то роман, заставлявший напроць забывать об окружающем мире.

Читать книги, пальцами ощущая шероховатость страниц когда-то было частью моей жизни.

Я почти вспомнила это.

А потом Кристиан проник в этот мир забытых ощущений без приглашения. Скорее всего, ступать бесшумно было его персональным талантом, потому что я слышала только стук закрывающейся двери, а сам Кристиан уже стоял в метре от меня. У него в руках был поднос. На нём — чашки.

Детали происходящего постепенно заполняли пустоты в моей голове — я изучала мир заново. На подносе было пять чашек. Кристиан поставил его на столик, и мой взгляд без труда определил разные сорта чая и шоколад, совершенно мерзкий на вид.

— Это я пить не буду, — ткнула я пальцем в маленькую чашку с чёрной густой массой.

— Почему?

— Потому что гадость! — сморщила я нос. — На смолу похоже.

Кристиан рассмеялся, пододвигая ко мне самую большую из чашек.

— А это будешь?

В чашке было налито что-то белое.

Молоко? Как для кошки?

Да он шутит! Нет, скорее издевается! А вдруг я люблю молоко?

Выстроив перед собой в ряд две тонкие, до голубизны, фарфоровые чашки с чаем, большую — с молоком и кофейную на изящном блюде, я заглянула в каждую так внимательно, будто на их дне было затоплено моё прошлое.

Вопросы поднимаются из глубины, как пузырьки в тёмной воде. Их так много — целая жизнь за пустотой в моей голове.

Что я любила?

Чай?

Или пила молоко?

А может, кофе?

Я вообще способна ответить хоть на один вопрос? Что из этого — моё? Что согревало меня в прошлом? Что я пила, когда мне было грустно? Что оставляло на губах привкус привычки?

Наконец отодвигаю чёрный чай. Внутри чашки я не нашла никаких эмоций, а значит—не буду.

Молоко. Зелёный чай. Кофе.

Что выберу?

Воспоминание гаснет быстрее, чем я успеваю его ухватить. Но остаётся запах мокрой травы, она липнет к щекам, а на лицо падают капли. Падают, падают... Сердце ускоряется. Я знаю, что это значит.

—Люблю травяной чай. И траву, —сообщаю я Кристиану.

—Это травяной, —кивает Кристиан. В его голосе радость от того, что он угадал. Кажется, он любит побеждать.

Сжимаю в ладонях чашку, надеясь ощутить тепло. Кристиан всё это время сидит в кресле напротив. Наблюдает. Разглядывает. Он спокоен, но мне почему-то кажется, что это видимость. Просто он не привык показывать свои эмоции.

А я?

К чему привыкла я? Что я знаю о себе? Я кое-что понимаю в искусстве и шахматах, люблю красивые вещи, воду и траву. И золотое. Возможно—чёрное.

Но это же не всё, верно?

Пока думаю над этим, сжимая пальцами стенки чашки — мозг с какой-то отстранённой медлительностью отмечает, что я постукиваю пальцами в такт мелодии. Я слышу музыку в голове. Она захватывает меня. Я жду каждый новый звук, замирая, задерживая дыхание, вслушиваясь.

И вдруг — подушечки пальцев, прижатых к чашке, начинают покалывать. После долгого холода кровь возвращается в замёрзшие руки.

А потом — запах. Тёплый, летний, живой.

Глубоко вдыхаю его и кажется, что вокруг меня включили мир.

Я чувствую его.

Чувствую!

Я сияю от счастья, как фейерверк. Я внутри взрыва — искры летят во все стороны, каждый миг переливается новым цветом торжества и всё вокруг сверкает и дрожит!

Выходит — я эмоциональна. Даже, кажется, слишком.

Если бы не Кристиан, сидящий напротив — я бы вскочила сейчас и кружилась от переполняющей меня радости. И я тоже люблю побеждать. И не люблю проявлять эмоции на людях.

Кристиан встал и отошел к окну, не спрашивая ничего, как будто понял, что мне нужно немного пространства, чтобы пережить этот момент.

Пустота в голове заставляет меня впитывать всё: эту комнату, лёгкую ткань занавесок под рукой Кристиана, его са-

мого. Светлые волосы падают на лоб, касаясь более тёмных бровей, но не закрывают лицо—резкие скулы и прямой нос. Льняной костюм подогнан с точностью до миллиметра и сидит на нем безупречно, облекая крепкое тело. Этот мужчина выглядит не просто привлекательным. Он притягивает. Есть что-то необычайно притягательное в нём, в его насмешливых синих глазах, улыбочивых губах, в манере держаться.

Я склоняю голову набок, разглядывая его.

—Это ты зажжёг свечу мне ночью?

На мой вопрос Кристиан улыбнулся:

—А это имеет значение?

Слегка пожимаю плечами, продолжая его изучать.

—Не знаю.

—Как узнаешь, скажи, —улыбка Кристиана стала откровенно издевательской.

—Имеет. — ответила я, проводя пальцами по тонкой ткани занавески. Наслаждаясь ощущением возвращающейся реальности.

Мы стояли прямо напротив друг друга. Он разглядывал меня, а я—его. И с каждым мгновением между нами нарастало напряжение — словно ток в воздухе.

—Я подумал, что ты можешь бояться темноты, —наконец ответил Кристиан.

—Я не боюсь темноты.

—А чего боишься?

—Не знаю.

—Как узнаешь, скажи.

—А чего боишься ты?

Кристиан снова ответил улыбкой. И за ней снова скрывался ответ. Я хотела вернуться к выбору вопросов, но мир снова сделал шаг назад и обступил меня тишиной. Приглушённым синим цветом под массой тумана.

Кристиан тоже ничего не говорил. Казалось, он находился не здесь, а в каком-то другом месте, скользя глазами по моему лицу. Взгляд его опустился к моим губам. Остановился на них. Замер, будто неосознанно. Но через мгновение снова вернулся к глазам.

—У тебя такие глаза...—наконец сказал Кристиан задумчиво.

Я подумала, что сейчас услышу типичную для таких случаев банальность, но он ничего не сказал.

Мне стало любопытно.

—Какие? —спросила я.

Кристиан снова посмотрел на меня, как из какой-то другой реальности, из которой я вырвала его своим вопросом, и ответил:

—Не знаю.

Но потом добавил:

—Когда я смотрю в твои глаза, океан говорит со мной.

—И о чём же он говорит? —улыбнулась я.

—Он говорит со мной о солнце. О том, как оно опускается в его волны каждый день, касаясь их своим теплом. Как

тонет в его объятиях, пробуждая внутри страсть, горячую, как огонь. Ты любишь солнце?

—Люблю, —ответила я, позволяя очарованию момента захватить меня. Чувствуя, как мир снова начинает дышать.

—И о теплом ветре, который скользит по поверхности океана, едва касаясь его своими крыльями. Медленно, до дрожи сливается с ним и улетает, чтобы вернуться снова. И снова. И снова. Ты любишь ветер?

—Люблю.

—И ещё он рассказывает мне о том, как вода ласкает песок. Как проникает в него. Наполняет. Скользит в глубине. Ты любишь воду?

—Люблю.

—Ты трижды сказала мне «люблю», *ma belle*, —улыбнулся Кристиан, и глаза его заблестели. —Это хороший знак. Значит, ты готова отдать мне своё сердце.

—Всем известно, что у красавиц нет сердца, —рассмеялась я и отвела взгляд.

В его словах был явный сексуальный подтекст. И не только в словах, он был во всём: в том, как он говорил, как двигался, как смотрел на меня.

—А что ты любишь больше всего? — задал он новый вопрос.

—Думаю, рассветы, —предположила я.

—Рассветы? Почему? —удивился он.

—Ну, на рассвете тебя ожидает день, которого ты никогда

не видел. А мир — это подарок, который ты получаешь каждое утро. — сказала я и каждое слово отозвалось внутри как что-то глубоко знакомое.

В ответ на мои слова Кристиан мягко рассмеялся.

—Надеюсь, он тебя не разочарует, *ma belle*.

—Кто?

—Мир.

—Надеюсь, — согласилась я и отодвинула штору, чтобы рассмотреть парк за окном.

Ветер ловил опавшие листья и запускал их в небеса, как воздушных змеев. Кристиан вернулся к креслу и сел, закинув ногу за ногу и сложив руки на подлокотниках. Он выглядел расслабленным, но в его позе чувствовалась собранность человека, который всегда готов к действию, несмотря на кажущуюся безмятежность.

А если эта пустота внутри — навсегда?

Что мне делать, если я никогда так и не вспомню?

Несколько секунд я крутила эту мысль в голове, обняв себя за плечи, как будто это могло сдержать дрожь, ползущую по коже. Сердце неожиданно сжалось от безысходности, в которой потерялась надежда, и даже ощущение того, что я жива.

Почему я оказалась там? Почему замёрзла? И как я после такого ещё жива?

Кто же я?

Сейчас я никто. Пустая оболочка. Если память ко мне не

вернётся — придётся начать жизнь заново. Выучить новое имя. Привыкнуть к своему лицу. Отпустить всё, что раньше было моими смыслами и придумать новые.

Прижимаюсь щекой к оконному стеклу. Улица теперь серая от полос ливня. Вода потоком течёт по окну. Поверхность стекла едва ощущается через всё ещё скованную холодом кожу. В комнате тихо, слышен только шорох дождя на улице.

Тишина давит на уши.

Чтобы заполнить её, открываю двери на террасу. Впускаю в комнату шум ливня. Хочется шагнуть под струи и смыть с себя это оцепенение. Наконец начать чувствовать, как раньше.

Так почему бы не попробовать?

Делаю шаг навстречу падающим каплям. Закрываю глаза, подставляю им лицо. Дождь облепляет промокшей тканью тело. Льёт на волосы, кожу. Гладит меня теплыми струями.

Это тепло становится для меня откровением.

Сердце бьётся быстрее. Тепло следует за каплями по спине, по рукам, по шее. Я чувствую, как оживает моё тело.

А потом — прикосновения ладоней Кристиана к моим и медленные движения вверх, к локтю — кожа к коже.

—Ma belle, —шепчет он тихо мне на ухо. Его шёпот касается влажного тела, и за ним следует взрыв мурашек по спине.

Задерживаю дыхание, пытаюсь продлить это ощущение.

Закусываю губу, выгибаюсь навстречу, чтобы теснее прижаться к ласкающим ладоням.

Это прекрасно — стоять так, не видя его, но ощущать всё, полностью. Это так невероятно — снова чувствовать!

Кристиан разворачивает меня к себе, наклоняет голову и легко, почти невесомо, касается губами моих губ—я перестаю дышать от остроты этого прикосновения.

Я не хочу думать. Только обнимать. Впитывать. Запах дожда и его волосы под моими ладонями.

Этот мужчина красивый и в то же время почти пугающий; в нём есть что-то, тёмные тайны, постичь которые можно, только рискнув подойти ближе. А я точно люблю тайны. Растущий пульс подсказывает мне это.

Мягкое движение головы—вниз. И он останавливается, глядя мне в глаза. Наблюдая за реакцией. Проверая, понимаю ли я, что происходит.

Нет, Кристиан, не останавливайся.

Я хочу почувствовать ещё.

Тепло. Ласку.

Я вижу в его глазах солнце.

Горячее.

Жадное.

И тянусь к нему, а он отвечает.

Сначала это просто прикосновение.

А потом поцелуй.

Медленный. Мокрый. Скользящий.

От которого темнеет в глазах и с губ срывается стон.

Это прикосновение будит во мне что-то новое. Обжигающее. Что-то, что заставляет хотеть вдохнуть его.

Судорожно. Сладко.

Запрокинуть голову, обхватить его плечи и позволить занести меня в дом. Мы оба—мокрые, и кажется, одинаково наполнены страстью и желанием. Комната кружится перед глазами, как внутри калейдоскопа. От остывшей ткани на теле меня бьёт лёгкий озноб, и он помогает освободиться от промокшей рубашки.

И снова целует меня. Касается губами дрожащих губ, прикрывая глаза и судорожно выдыхая, ощущая мой вкус. Давая мне почувствовать свой. Его губы такие горячие и такие невысказанно-нужные сейчас.

И когда этот поцелуй из простого желания почувствовать хоть что-то стал таким всеобъемлющим? Стал чем-то, что перекрывало воздух? Не позволяло отпустить его плечи.

Я не помню, какие бывают поцелуи, но в моём теле впечатана эта память. Она диктует, что мне делать. Зарываюсь одной рукой в его волосы, а второй притягиваю к себе. Ближе.

Он откликается на мой призыв, отпускает одно плечо и поднимает руку к моему лицу, надавливает на подбородок большим пальцем, не отрываясь от моего рта, заставляя послушно приоткрыть губы. Проникая языком внутрь — глубоко и влажно. Жарко.

Сердце в груди бьётся с такой силой, будто вот-вот выле-

тит. Импульсы желания расходятся по телу.

Интересно, так со мной было и раньше?

Или только с ним?

Или это так страстно, так невысказанно чувственно потому, что ещё час назад я не ощущала этого мира?

Мне нравится его запах, и я зарываюсь в его влажные волосы обеими руками и притягиваю его ближе. Вдыхаю полной грудью, как до этого вдыхала дождь.

И тогда он раздевается. И, кажется, вместе с одеждой снимает с себя оковы цивилизации, становясь дикарём, не признающим ограничений. Во взгляде синих глаз читается такая первобытная страсть, что мне хочется впитать в себя это выражение лица. Полное желания до закипающей крови.

Его голос низкий, волнующий. Он шепчет мне что-то на французском, а я ни слова не понимаю, но ловлю интонацию каждой фразы, как будто это музыка, которая никогда больше не прозвучит.

Слова тут не важны.

Важен голос, в котором есть всё: властность, призыв услышать, отзвук страсти и обещание удовольствия, ожидавшего впереди.

Я пропускаю его влажные волосы сквозь пальцы, глажу его сильное тело. Чувствую пламя, в котором он горит. И пропадаю в глубине его взгляда, сцепленных рук, жаркого тела. Он обнимает меня и заставляет ощущать то, чего я даже не представляла.

Его глаза смотрят на меня так, будто я — это всё. Весь его мир. Во всяком случае сейчас. Именно это вижу я в синем море его радужек, когда он наклоняется надо мной.

Какая женщина сможет устоять?

Но на какую-то секунду я замираю. Мозг лихорадочно пытается принять решение. Остановиться? Я же вижу его первый раз в жизни!

Смешно! Моей жизни—всего день!

А если у меня кто-то есть?

Хрустальные капли на люстре качаются, словно от дуновения ветра, их свет сеет искры на тёмном дереве. Этот момент никогда не повторится. Так, как сейчас, уже не будет. С кем бы я не была раньше — способен ли он хотеть меня так же, как сейчас — этот мужчина? Способен ли он вызвать во мне такие же ощущения, как сейчас — Кристиан?

Об этом нужно думать, но так случается, что все доводы рассудка тонут в раскаленной крови. Растворяются в обжигающем воздухе.

Теряются в спутанных мыслях.

Пока я тонула в сомнениях, Кристиан отвернулся и лёг, смяв подушку в тугую ком под скулой. Давая мне шанс на отступление.

Я проводила взглядом по светлым волосам, от влаги завившимся сильнее. Теперь я знаю, какие они гладкие. Ладонь сжата в кулак, как будто это помогает ему сдерживаться.

Я смотрела всего минуту, но почему-то не могла отвести глаз.

Даже если я ничего не вспомню, но я буду знать, как это — когда до дрожи внутри хочется прикоснуться к коже губами, руками, ощутить кого-то рядом — ближе к себе. Ощутить силу, скованную под кожей в его руках.

Сознание сразу подбросило образы, как эти руки сжимали мои плечи, пока жадный язык касался моих губ.

Протягиваю руку, провожу по его спине ладонью, стираю последние капельки недавнего дождя. Прижимаюсь к лопаткам грудью, скольжу раскрытой ладонью вниз, к его животу, который тут же напрягается.

Необходимость чувствовать, прижимать к себе я поняла, вспомнила. Вспомнила тоску по этим ощущениям.

Низкий стон срывается с его губ, приглушенный стиснутыми зубами. А я продолжаю скользить по его спине теперь уже губами, покусывая, вылизывая каждый позвонок. Чувствуя, как он дрожит всем телом от желания.

И тогда он разворачивается ко мне. Его взгляд горит, изучая моё выражение лица. Челюсть сжата, а дыхание прерывистое. Будто он ждёт чего-то.

Может, моего «нет»?

Но как отказаться, если он смотрит на меня так, что не хватает дыхания, чтобы сказать... Просить. Умолять его остановиться.

Даже если бы я захотела...

Только как это сделать, когда прикосновение его нетерпеливых губ и влажного языка к коже напрочь уничтожило все мысли — разорвало их на части и развеяло прахом.

Нужны были его объятия, его руки, сильные, умелые, знающие, как надо, как будет приятно, хорошо. Хотелось ощущать биение сердца под ладонью. Любоваться его губами—влажными, соблазняющими, когда он снова тянется ко мне и целует приоткрытые губы. Прижиматься ещё ближе, чувствуя его пылающую кожу своей и низкий и хриплый стон, отдающийся на языке.

Только его кожа и разрывающее душу тепло.

Только встречаться с синими глазами, полными солнца и тут же откидывать голову назад, не сдерживая стона от движущихся по обнаженной коже рук, от ощущения жадных жарких губ на своей шее.

А потом—ещё взгляд. Не просящий—приказывающий. Диктующий мне единственный верный выбор.

А он и правда властный.

Но только—разве это приказ? Или это обещание? Или необходимость там, на дне его подчиняющих разум радужек? Какая-то слишком-нужность, для которой, наверное, ещё не придумали верного слова. Разве не желание или, скорее, жажда, заставляет его смотреть так, не отводя взгляда от моих глаз?

Это всё, что сейчас важно.

И больше ничего. Остальное—не сейчас, не сегодня.

А дальше я теряю связь с реальностью. Его безумие накрывает меня с головой. Его близость. Хриплый шепот пробрается в мой мозг, отнимая дыхание.

—Как ты красива, *ma belle*.

Слова разносятся удовольствием по сосудам вместе с шумящей кровью. Я вижу свои руки на его теле—ко мне вместе с ощущениями вернулся нормальный цвет кожи.

Мне кажется, я никогда не забуду, каким жадным был Кристиан, какими жадными были его прикосновения и как одержимо его ломало от того лишь, что я к нему прикасалась.

Одержимость.

Кажется, это называется так. Им движет одержимость—чистая и сияющая под кожей.

Быть во мне. Горячо и глубоко, двигаясь, смотреть в запрокинутое лицо.

Видеть меня принадлежащей ему.

Полностью—ему.

Потом, прижавшись лбом к его разгоряченному плечу, я смотрела на небо за окном, полное звёзд, слушала его дыхание и чувствовала близкое необходимое тепло, всем существом ощущала прозрачный ясный покой.

Много ли покоя было в моей жизни до этого?

Понятия не имею. Но в ней точно было много ночного неба—звёзды за окном вызвали во мне почти детский восторг. В этой влажной тьме с открытыми в непроглядность по-

луночного неба дверьми я поняла, почему не боюсь ночной темноты — я слишком люблю звёзды, чтобы бояться ночи.

Кроме горячих волн удовольствия, разносившихся по телу, чувственных мурашек, собирающихся у кромки волос я чувствовала что-то ещё. Это «что-то» исходило от него потоками, накрывало меня с головой.

Внутри начала медленно вращаться воронка эмоций, ощущений, чувств, мыслей и ещё чего-то, что было со мной раньше и не было сейчас.

Магия.

Я вспомнила это слово. Магия исходит от него, заставляя растаять в нём. Заставляя ждать, когда он протянет сложенные ладони и напоит меня тишиной — как в день Сотворения в Храме.

Я вспомнила это слово—Магия. А вслед за словом я вспомнила всё. Вспомнила этот мир.

«Надеюсь, он тебя не разочарует» —так он мне сказал утром.

Надеяться бесполезно, Кристиан. Он меня разочаровал, причем давно. Тут мечты превращаются в яд, если ты не заметил.

Иногда тебе кажется—ты достиг дна. Но ты только начинаешь своё падение. Так я подумала, когда вспомнила лицо, которое я видела на страницах энциклопедии в нашем Аббатстве.

Его лицо.

Я ещё тогда удивилась—какой он красивый.

Мы не знакомы, но я знаю, кто он.

Знаю. Знаю.

Сердце вторило бьющемуся в голове слову, а тело сжалось. Внутренности скрутило в тугой узел от осознания. Задышавшись от колотящегося в горле сердца, я сползла на пол, обхватив руками живот. У меня было секунд тридцать до того, как он догадается, что что-то не так. Подняться было почти нереально. Но пришлось.

—Мне нужно в ванную, —прошептала я едва слышно, надеясь, что он меня не остановит.

Закрыв за собой дверь, прижимаюсь спиной к стене, вдавливая позвонки в камень. Мечтая раствориться в нём.

Теперь я знала, кто он.

Разочарование накрыло меня.

Внутри застрял крик.

Он жёг мне горло.

Душил.

Закрыла глаза, судорожно сглатывая слюну, которая отказывалась течь по пересохшему горлу. В ушах отдавался грохот собственного сердца. Руки дрожали.

Так вот что это за кольцо.

Так вот кто я.

Моя голова не хотела принимать реальность. А тело—дышать. Воздух не проникал в лёгкие—мешал застрявший в горле комок. Короткие рваные вдохи и выдохи не давали те-

ду достаточно кислорода.

Воздух.

Он нужен мне.

Сейчас.

Дыши.

Впусти в голову образы. Своё прошлое. Свою жизнь. Не позволяй замкнуться цикличной пустоте, закручивающейся под кожей.

Сильнее.

Сильнее.

Стараясь сделать меня пустой. Как раньше. Как несколько минут назад. Когда мир был простым. В котором быть живой—достаточно. В котором целовать, когда хочешь этого, —норма.

Моё имя Кайла. И теперь я в деталях могу вспомнить всё, что произошло в тот день.

Солнце стояло низко, и облака над площадью Санто-Стефано отсвечивали золотом. Тут 25 лет назад умер мой отец. Прихватив с собой своего врага —Верховного Мага Ордена Воздуха. Оставив мне свою войну. Свои долги. И свои принципы.

А его убийца оставил свою войну своему Ордену. И своему преемнику—Кристиану Ван Вельту. Из постели которого я только что выбралась.

Святая Гора! Как такое могло случиться?

Медленно втягиваю носом воздух. Пробую сосредото-

читься. Окружающий мир отступает — куда-то далеко-далеко. Остаются только звуки, образы и цифры.

47 часов назад мы с Линдой выскочили из такси на площадь под шквальный огонь Магов Воздуха.

А ещё 19 минут назад я заказала кофе и парочку джандуйотто, а Линда раздумывала, что она хочет: граниту или всё-таки торт «Пистокки».

Через 2 минуты Линда отвечает на звонок, мысленно принимая решение, достойное любой сладкоежки, и поднимает руку, чтобы позвать официанта. Улыбается, снимая трубку — Аэнт в телефоне заходится криком.

Блюдец с конфетами.

Чашка с кофе, который я никогда не выпью.

Мы выскакиваем на улицу и ловим такси. Через 13 минут я ступаю на площадь. На секунду всё замирает, и можно поклясться: мир остановился и теперь свободно дрейфует во времени.

А потом больше никаких образов.

Никаких цифр.

Только снег.

«Покажем им, кто сильнее» — звучало в нашем Ордене уже год, стихая, когда я входила в комнату. На занятиях. За обеденным столом. В гостиной.

При мне — никогда.

Все знали, что я против. Орден был не готов. Слаб. Мы только вылезли из долгов. Только набрали два десятка соп-

ливых адептов—таких, как Руффи, как Манчелла. Мы не могли закончить войну, которую мой отец считал нашим долгом. Не могли закончить её так, как нам бы этого хотелось.

Победа. Слава. Месть.

Вот что нам было нужно. Превосходство. Сильный Орден. Как при моём отце.

Больше, чем при нём.

Кристиан сказал, что кроме меня на площади никто не замёрз.

Он мог солгать. На площади было не меньше тридцати адептов моего Ордена.

При мне не было сумочки. Конечно. Я сунула её Линде, выскакивая из машины. Телефон, документы—всё осталось там.

А если бы он их нашёл?

Никакой разницы. Там только имя. Никто в Ордене не знает, кто я.

Что мне теперь делать?

Глотая воздух, как выброшенная на берег рыба, я потянулась внутрь, в своё сознание, чтобы выхватить из ряби мыслей самое правильное решение. Сжала дрожащими пальцами виски.

Я не могла это сделать.

Слишком много вспышек мелькало перед глазами. Слишком много голосов звучало в сознании. Слишком много мыс-

лей было в голове.

Линда осталась на площади. Аэнто. И все, кто ввязался в бой в тот день.

А я не хотела об этом думать. Я балансировала на грани— между пустотой, дающей мне свободу, и неподъёмной плитой долга, доставшегося мне от рождения.

Чистый лист. Новая жизнь.

Или старая петля на шее?

Вернуться в комнату, к нему. Прижаться лбом к его плечу вместо холодного камня. Вернуться в его объятия. Мне так сильно этого хотелось, будто его руки были самым надёжным местом во всём этом убогом мире.

Попробовать вместе найти решение?

Нет. Вместе—это не про меня.

Правильный выбор был на поверхности, а я медленно шла ко дну посреди холодного моря, без возможности не только ухватиться за него, но и без сил даже посмотреть в его сторону.

Я никогда не думала, что отсутствие сил может вызвать такую боль. В каждой капле крови. В каждой клетке.

А вот это было привычно.

Боль.

Я знаю, что это. Я живу с этим каждый день.

У тебя нет сил? Встань и иди дальше. Без сил. Мой Учитель думал так. И научил меня делать это.

Я ныряю в самую сердцевину боли.

Прохожу насквозь и погружаюсь глубже.

Глубже.

Ещё глубже.

В те уголки сознания, где боль уже не кажется такой невыносимо резкой. Где думать о том, что только что было, — не смертельно. Где можно принять, что этого поцелуя больше никогда не будет. Не будет Кристиана. Не будет сжимающих меня рук и его горячего тела. И меня—такой свободной. Счастливой. Искренней.

Не открывая глаз, начинаю считать:

Солнце прячется в дыму,

Свет меняется на тьму,

Мир уходит в тишину,

Звезда Ночи озаряет тьму,

Свет сменяет темноту...

До конца я редко доходила. И сейчас, когда привычные слова на синдарине касались моих пересохших губ, стало легче. Горький воздух потёк в лёгкие. Меня перестало трясти.

Я потеряла его. Теперь я знала это абсолютно точно. Того, кто зажёт мне огонёк свечи в темноте, чтобы я не испугалась.

— Чего ты боишься? — спросил он меня утром.

Ничего.

Ничего, Кристиан. Я ничего не боюсь уже долгое время. Потому что поняла, что «бесстрашие» — синоним для «нечего терять». А я потеряла практически всё, что любила.

Теперь потеряла тебя.

Он — враг. И у меня есть десять причин, чтобы убить его, и только одна — чтобы сохранить ему жизнь. И ни одной, чтобы остаться.

Так почему я до сих пор здесь?

Отвращение к самой себе накрыло меня с головой и впиталось в грудную клетку, заставляя притихнуть сердце. Пробуждая злость, будто яд, впрыснутую в кровь.

Так и должно быть.

На войне.

Я стянула кольцо и просеялась, в хлам ломая Защитные Заклятья, окружающие дом. P.S. Дорогой читатель, в конце книги тебя ждёт словарь терминов с расшифровками названий существ и мест, упомянутых в истории.

Глава 2

Uruz Сила. Преодоление. Выносливость.

Торрекьяра выросла вокруг, уходя древними стенами в знакомое небо над моим поместьем. Знакомый запах аликвий и кофе. Знакомый звук лёгких волн, перекатывающих морскую гальку. И та же я — с содранной кожей и истерзанным сердцем.

Снова.

Сколько ещё раз этот дом будет принимать меня такой? Это поместье было моим домом уже пятый год. Течение жизни в нём измерялось полётом пылинок в лучах солнца, падающих с галереи. И последние три года — тишиной.

Марджери всегда оставляет свет в холле, если я не возвращаюсь до заката. Она не знает, что я вижу в темноте, как кошка. Она многого обо мне не знает. Она знает, какой кофе я люблю, и имя, обязывающее её называть меня Леди. И не задавать лишних вопросов. Она никогда их не задаёт. И никогда не удивляется.

Она идеальна.

И она нужна мне сейчас.

Я сворачиваю налево, проносясь по галерее, а Марджери уже спешит мне навстречу. Тёмные глаза смотрят на меня с привычным вниманием. Ни один волос не смеет выбиваться из её идеальной причёски, ни одна складка не искажает ли-

ний её одежды, эмоции не касаются её спокойных глаз. Даже когда герцогиня Сфорца нарушает покой идеально вымытого ею дома своим появлением в холле без одежды.

Только вежливое:

—Вам что-нибудь нужно, Леди?

—Телефон и душ. Больше ничего.

Она протягивает мне телефон. Я набираю номер Линды, пока иду в свои комнаты и слушаю гудки. Марджери проходит в ванную, зажигая трепещущие огоньки свечей. Она знает, что я люблю живой огонь.

Линда не отвечает.

А я больше не знаю ни одного номера на память. Возвращаю телефон.

—Марджери, мне сегодня больше ничего не нужно.

Звучит, как «мне вообще больше ничего не нужно».

Марджери смотрит на меня внимательно. Она уже видела меня в таком состоянии. Днями лежащую на кровати. Часами смотрящую в окно. Не видящую неба, не чувствующую солнечного тепла. Оживающую только тогда, когда взгляд выхватывал точки в небе, набирающие высоту. Потому что тот, кого я ждала, мог быть одной из них.

Ну же, Марджери. Мне не хуже, чем тогда. Не больше. Потому что больше чем тогда просто невозможно. Твоя Леди в порядке. Я выдохну и пойду дальше. Я всегда так делаю. Этот мир меня не ломает. Просто ещё один тяжёлый день...

Марджери улавливает мой посыл и кивает, хотя и не верит. Уходит, на прощание бросив на меня ещё один взгляд. Давая понять, что она рядом. Что я могу позвать её, если будет нужно. Понимая, что я не позову.

Она хороший человек. Всегда делает то, что нужно.

Линда не взяла трубку. Мне нужно попасть в Орден¹ как можно скорее. Я включаю душ, мысленно отводя десять минут, чтобы прийти в себя. Делаю воду погорячее, подставляя лицо под обжигающие струи, чтобы смыть вкус его поцелуев со своих губ, со своей кожи.

Я не буду думать о нём сегодня. Подумаю завтра. Распахну двери своего персонального Ада и отправлю туда Кристиана, целующего меня под дождём. Запах дождя. Свечу, горящую в темноте.

И его смеющиеся глаза.

Волосы тяжелеют от воды, распрямляются, полосами прилипают к коже. Я наливаю полные пригоршни мыла, тру шею, плечи, намыливаю волосы. Усталость—медленно, постепенно—скатывается с меня и утекает вместе с мыльными потёками в водосток. На её месте остаётся какая-то опустошённость.

Ноги не держат, и я тяжело сползаю на пол, цепляясь пальцами за стенки душа. Горячая вода по-прежнему хлещет по плечам, по спине, кое-как согревая сжатое комом тело.

¹ Орден Огня, один из двух противоборствующих Орденев Земли. Враждует с Орденом Воздуха.

Но мне холодно.

Всё равно холодно.

Холодно от того, что я снова одна.

Пытаюсь выдавить из себя такие нужные сейчас слёзы. Если бы я могла плакать. Как люди. Но я не плакала даже в детстве. Когда в приюте отнимали у меня игрушки. Когда забирали молоко. Когда мальчишки таскали меня за волосы.

Десять минут исчезли вместе с водоворотом воды, но единственное, на что меня хватило, — закрыть кран. Подняться сил уже не было.

Но бывает, что спасение приходит, даже если его не ждёшь.

Тихий звук шагов.

Донышко чашки, едва слышно цокающее о блюдец.

Марджери сварила мне кофе.

Принимаю чашку из её рук. Впускаю в себя знакомый запах. Горячий напиток течёт по горлу живой водой. Возвращаю чашку. Получается только кивнуть — на «спасибо» сил ещё нет.

Наконец-то встаю. Марджери накидывает мне на плечи халат, такой большой, что я тону в нём, как в махровой туче.

Ловлю её взгляд.

Страх? Неужели Марджери способна на эмоции?

Она перепутала халаты, вместо моего дав мне халат моего бывшего, и теперь боится, что сделала мне ещё хуже. А меня это странным образом успокаивает. Надо сказать ей:

—Выкинь ты его вещи. Мы уже три года как расстались. Хотя... зачем? Они три года тут валяются, поваливаются ещё. Да. Пусть остаются.

Я шлёпаю босыми ногами по мраморной плитке, направляясь в свою комнату. Белый халат волочится за мной, как королевская мантия. Марджери несёт впереди чашку, придерживая её обеими руками. Напоминает какую-то странную церемонию из Алисы в Стране чудес. Не хватает только Белого Кролика. И Чокнутого Шляпника.

—Не грусти, — сказала бы мне сейчас Алиса. —Рано или поздно всё станет понятно, всё встанет на свои места и выстроится в единую красивую схему, как кружева. Станет ясно, зачем всё было нужно, потому что всё будет правильно...

Да. Так и будет.

Рано или поздно.

Но не сегодня.

В моём гардеробе найдётся всё что угодно. Это такая форма забвения —покупать то, что тебе не нужно. Сотня пар золотых босоножек, которые никогда не покинут эти стены—это мой способ убедить себя, что пустоту внутри можно чем-то заполнить.

Одеваясь, чаще всего я выбираю что-то золотое, чёрное или красное.

Но сегодня чёрное кажется единственным вариантом.

—Спасибо, Марджери. За кофе. И... за всё.

Оборачиваюсь, только когда дверь тихо щёлкает.

Марджери не раз видела меня без кольца. А вот в Ордене никто не видел. Поэтому, стянув его, я выбираю конечной точкой свою комнату в Аббатстве. Просеиваюсь и включаю освещение только тогда, когда кольцо снова обхватывает мой палец.

Глаза ловят свет, отражённый в зеркалах. Комната не изменилась—кровать, стена из зеркальных ромбов, шкатулка на тумбочке. Золото и красный бархат. Обычная комната обычного Огненного Мага. Не моя настолько, что задерживаться тут не хочется. Ни разу не захотелось за пять лет, что я живу на Земле.

В коридоре тихо. Как на кладбище.

Я уже знаю — что-то случилось. Предчувствие ложится на плечи, касается шеи, проникает в каждый позвонок.

Я иду быстро. Комната Линды на другом этаже.

А если она умерла, пока я лежала на площади? Или, что ещё хуже, умерла, когда я развлекалась с Кристианом?

С врагом, —поправляю я себя.

В комнате Линды опущены шторы. Тяжёлый запах крови и отчаянья пропитывает холодный воздух. Аэнтос сидит у постели Линды, голова бессильно опущена на грудь. Поднимает на меня глаза. Взгляд кажется безумным—он думает, что я опоздала, потому что Линда насквозь пробита ледяным осколком и совсем обескровлена. Он винит меня—потому что я пропала на два дня. И себя—потому что втянул Орден в бой.

А я понимаю, что успела — она ещё дышит.

— У тебя есть жертвенный нож? — спрашиваю на всякий случай, хотя знаю, что нет. У него ещё не тот уровень. А свой я потеряла на последнем задании.

Он не отвечает. Наверное, даже не понимает вопроса. У Линды совсем мало шансов. Постель насквозь пропитана кровью. Лучше бы они отвезли её в больницу, а не ждали меня.

Прикидываю, что добавит ей шансов: везти к Кассите или принести нож сюда? Быстрее будет, если я схожу за ножом сама.

Только у нас с ней может быть несовместимость Магии, если я дам ей свою кровь. Один случай на миллион. Но... Линдой я не рискну.

— Бери её. И неси в гараж. — приказываю я Аэнтю.

Он поднимает Линду на руки — на фоне его смуглого лица она кажется ещё более мёртвой. Мы бежим в темноту подземного паркинга.

Отодвигаю пассажирское сиденье назад, чтобы Аэнтю мог уместиться с Линдой на руках. Мой Порше 918 вырывается на поверхность и несётся вдоль улицы, набирая скорость. Аэнтю беззвучно шевелит губами.

Молится, наверное.

Он вообще ненавидит, как я вожу. Когда-то он сказал, что у всех адреналинщиков нужно отобрать права. Наивно. И смешно.

Как будто отсутствие прав как-то помешает нам садиться за руль.

Торможу заранее, плавно сбрасывая скорость. Не хватало ещё, чтобы его снова стошнило.

У особняка, возле которого я паркуюсь, долгая история. Когда-то здесь была штаб-квартира повстанцев. И бордель. Когда Кассита сюда переехала, на стенах ещё можно было увидеть фрески с сатирами и нимфами. У козлоногих были такие гадкие ухмылки, что мне даже не было жалко, когда рабочие закатали всё белой краской. Дом пережил много хозяев и каждый добавлял к его архитектуре что-то своё. В итоге получился хаос, который мы и купили.

А вот дверь была такой, какой и должна быть дверь в доме Эгерии: массивной, из древнего, пропитанного морилкой дуба, с набитыми вдоль латунными полосами, с закрученной ручкой и тяжёлым дверным молотком в виде рыбы с выпученными глазами.

Я распахиваю дверь перед Аэнто.

—Положи её на пол.

Маг переступает порог и резко сгибается. Из горла вырывается хрип—как будто он только что получил удар под дых. Пытается положить Линду, но выходит неловко, резко и Аэнто начинает отползать обратно к двери. Со лба капает пот. Глаза, налитые кровью, до смешного похожи на рыбы—такие же, как у молотка на входе.

Магия Эгерий, которой пропитан дом, —это нож, кото-

рый вскрывает душу. Выворачивает. Достает на свет демонов, спящих в глубине каждого из нас. Чтобы мы могли встретиться с ними лицом к лицу.

— Подожди в машине, — бросаю Аэнтю, чувствуя злую радость от того, что ему сейчас так плохо. Возможно, я должна была его предупредить.

Хотя нет, не должна!

Из-за этого тщеславного ублюдка Линда чуть не погибла. Я знаю, на что он рассчитывал. Вытащить всех на площадь, завязать бой и позвонить Линде, чтобы она уговорила меня помочь. А ей даже уговаривать не пришлось.

По крику Аэнтю в телефонной трубке я поняла, что они чувствуют себя уже не Магами Ордена, а крысами на борту Титаника, не успевшими сбежать. Да, помня, как Кристиан Ван Вельт ведёт себя в постели, могу представить, что он с ними сделал на площади.

Кассита уже бежит ко мне по ступенькам.

— Нужен жертвенный нож.

Она кивает и исчезает в комнате, а я переступаю порог, погружаясь в Магию этого места.

Ни-че-го.

Ничего нового я не чувствую. Мои демоны не спят. И я никогда не отвожу глаз от бездны внутри.

Опускаюсь на колени рядом с Линдой, поправляю её волосы и жду. Секунды давят. Каждая — будто последняя. Капают на переполненные чаши весов.

Кассита возвращается с ножом и двумя пузырьками. Магия Эгерии стерла следы Расы, к которой она принадлежала раньше. Теперь она просто красивая темноволосая девушка. Только радужки глаз, отливающие всеми цветами, выдают в ней Магическое существо.

А я помню её ещё Тёмной Эльфийкой с Эламраса².

Я сжимаю лезвие ножа в ладони и, наконец, вытаскиваю сосульку из тела Линды. Моя Истинная Кровь³ капает в открытую рану тягучими каплями.

Магия её принимает.

Принимает!

Впитывает, и уже видно, как начинают срастаться повреждённые сосуды.

Я, наконец, выдыхаю. Становится немного легче. Самую малость.

Мы сидим напротив друг друга и ждём.

Я—клубок раскалённых нервов.

И Кассита.

Спокойная Кассита.

² Эламрас это главный мир Срединной Трети, где живут Бессмертные и расположены главные храмы Древних Богов. Является эпицентром торговли, игорного бизнеса и развлечений.

³ Истинная Кровь это вещество, которое наделяет его обладателя Магией или бессмертием. Наследуется всеми Бессмертными, Магами и магическими существами от Создателей, которые принесли Магию в этот мир. Имеет разный состав и магическую ценность, в зависимости от силы обладателя, его происхождения и Расы.

Рассудительная Кассита.

Плавная и невозмутимая.

Пока не начала задавать мне бесконечные вопросы, которые она бесконечно мне задаёт. Она бессменный лидер по количеству задаваемых мне вопросов. Иногда, правда, мой друг Ашер её почти догоняет. Но я всё равно отдаю пальму первенства ей. Потому что Кассита умеет задавать вопросы из серии:

—Зачем ты это сделала, Кайла?

Или ещё лучше:

—Как ты могла?

Или моё любимое:

—О чём ты вообще думаешь?

Сейчас её вопросы мягче.

Мне кажется, на них даже где-то существуют ответы.

«Что с тобой? Что?»

Она видит, что я, как минимум, не в себе. Да я и сама это вижу. Тело до сих пор слегка лихорадит. По спине всё время прокатывает холодный озноб.

Линде сегодня повезло. На коже даже шрама не останется. Осталось совсем немного подождать, и можно возвращаться в Орден и продолжать разбираться с проблемами, которых из-за Аэнта стало ещё больше.

Так что можешь уже вставать, Кайла. Как бы удобно тебе тут ни сиделось.

Когда я поднялась, голова закружилась. Очередная волна

дрожи пронеслась по телу. Наверное, я выглядела... как-то не так. Потому что Кассита смотрела на меня в ужасе. В полном ужасе, открыв рот.

Спину окатила новая волна озноба, и внезапно стало очень тихо. Всё ещё слышались вдохи Линды, всё ещё дрожь проходила по телу.

Но иначе. Будто сквозь.

Будто не я. Не со мной.

Потому что Кассита подошла ко мне и сжала мои ладони своими тёплыми руками. А я просто послала ей все воспоминания с того момента, когда я была снежинкой на площади Санто-Стефано.

Не задавай мне сегодня вопросов. То, что ты видишь, слишком унижительно, чтобы говорить об этом.

Кассита промолчала, что было на неё не похоже. Просто смотрела на меня, и от контакта глаз становилось как-то проще. И взгляд был такой... понимающий?

Была в нём какая-то спокойная ясность или что-то такое, и ни капли беспомощности, которой была переполнена я.

Конечно! Она же Эгерия⁴!

Эгерии видят будущее. Они знают все правильные повороты и все ямы на наших путях. И к тому же они умеют вли-

⁴ Эгерии это магические существа, провидицы и ведьмы. Видят все варианты будущего, которые могут случиться. Варят все виды Зелий, включая лекарства и яды, Приворотные Зелья и Зелья Забвения. Их Дома являются магическими пространствами, где каждому вошедшему открывается его тайные желания и страхи.

вать в крошечные пузырьки то, что, по идее, не должно туда помещаться.

Нужно лекарство от тоски? Пожалуйста.

Не хватает мужества? Купи пузырёк.

Враг задержался на этом свете? Заплати за Зелье и иди спокойно есть пирожки на его поминках.

Хотя больше всего, конечно, она зарабатывает на лекарствах и приворотах.

Я много думала, какая Сила стоит за их Магией. Тьма⁵? На неё это не похоже... Когда это Тьма брала за Силу деньгами? Ну а если не Тьма, то кто ещё, кроме Нее, может дать столько Силы и, главное, столько знаний?

Кассита продолжала смотреть на меня, и в глубине её глаз читалось что-то вроде: тебе было так хорошо с ним...

Да, мне было хорошо с ним. А потом я узнала, что он—враг.

И теперь ещё Линда... Линда, которая почти умерла там, на той площади. Линда, которая была мне как сестра. Линда, которая была со мной, когда никого другого не было рядом. Линда, единственная, кто видел меня совершенно разбитой, не считая Марджери.

Но у Марджери не было выбора—она у меня работает, а Линда осталась сама. И не уходила, пока я не пришла в себя

⁵ Тьма является одним из двух Демиургов Мира, и противостоящей Силой в вечной войне между Светом и Тьмой. Не имея тела, выбирает себе Аватаров среди самых сильных существ, которых использует в борьбе за мировое господство.

окончательно. Линда, которая таскала меня по магазинам, по ночным клубам. Организатор моих самых безумных вечеринок, постоянный сомелье и даже немножко психолог, потому что, когда я покупаю очередную пару золотых босоножек, умеет убедить меня, что это абсолютно нормально.

А если это рука Кристиана послала в тот день ледяной осколок, который мог стоить ей жизни?

Кассита отпустила мои руки, и я снова начала дрожать. Не совсем понятно, холодно мне или жарко—как-то всё сразу и одновременно.

И мерзко.

Мерзко думать. И мерзко прятаться от этих мыслей.

Я хочу знать, кто сделал это с Линдой, и боюсь получить ответ.

Кассита присела рядом с ней и осторожно прикоснулась пальцами к вискам. Несколько секунд сидела без движения.

—Это сделал не Он, —наконец счастливо промурлыкала она, возвращаясь ко мне взглядом и снова беря за руки.

С чего это Кристиан вдруг стал «Он», вот так, как Кассита только что произнесла, с большой буквы?

Я возмущённо фыркнула. А Кассита улыбнулась, беззастенчиво транслируя на меня удивительное свойство Эгерий полностью перекрывать своей Силой любую кипящую в душе бурю. От чего мысли становились лёгкими, как облачка, а не свинцовыми тучами.

Я закрыла глаза, погружаясь в это. Мысли невозможно

ухватить, ни одной.

Тишина.

В душе. В сердце.

Оставить бы так навсегда.

А потом... её голос, сквозь темноту под веками. Осторожный, тихий. Встревоженный.

—Кайла.

Открываю один глаз.

Ну что такое?

Кассита смотрит куда-то, где соединяются наши руки.

Я тоже смотрю.

В комнате снова повисает тишина. Только дыхание, шум мотора на улице и её выжидающий взгляд. И ещё просто дикая паника, волнами исходящая от меня, стоящей рядом с Касситой, и наблюдающей, как под моей кожей сплетаются мерцающие руны Воздуха⁶ с раскалёнными знаками Огня⁷.

Как мне не закричать?

Как не закричать сейчас?

Я смотрю прямо на Касситу, сжимая губы, сцепляя зубы. Трачу практически все силы, чтобы не издать ни звука. Про-

⁶ Магия Воздуха это одна из двух Стихийных Магий, которую используют люди. Относится к категории Боевой Магии. Позволяет управлять потоками воздуха, а также его температурой, что даёт возможность замораживать воду в воздухе и управлять льдом. Также используется Драконами для полёта.

⁷ Магия Огня это одна из двух Стихийных Магий, которую используют люди и Драконы. Относится к категории Боевой Магии. Позволяет управлять огнём, создавать объекты из огня, а также сжигать и восстанавливать предметы из пепла.

сто если я сейчас закричу или, ещё хуже, запишу, это будет совсем дно.

Окончательное.

Если сейчас в её глазах не недоумение, тогда что?

Кое-как разлепляю пересохшие губы. Говорю первое, что пришло в голову.

—А можно Магией Воздуха заразиться?

Ну, что-то вроде: я переспала с Магом Воздуха, могла ли я подцепить от него его Магию?

Кассита качает головой.

Да я и сама понимаю, что это бред.

—Тогда откуда это у меня?

О, сегодня, кажется, пришло моё время отыгрываться и задавать Кассите все самые нелепые вопросы, на которые я только способна!

Просто не день, а кошмар какой-то...

А может, это вообще сон? Может, я всё ещё сплю там, в комнате, зарывшись в тепло одеяла, а рядом со мной дрожит огонёк свечи, прогоняя тьму?

Или я всё ещё на площади?

И солнце не взойдёт никогда. И утро никогда не наступит. Может, поэтому этот день такой бесконечно длинный? Может, я умерла?

Да нет, я знаю, что бывает, когда умираешь. Я уже умираю—и не раз. И тогда такого бреда со мной не происходило. Маги Воздуха—враги.

Точка.

Так положено думать.

Мы воюем с ними уже веков двадцать. Эта война вшита в нашу кровь, прописана в генетическом коде.

Теперь и я—Маг Воздуха.

Выходит, что я—враг?

Или Маги Воздуха теперь—не враги?

Недоумение.

В глазах Касситы.

Точно оно.

Почти чёрные глаза распахнуты, а в них... Тьма и Свет⁸, в них можно прочитать всё. Всё обо мне, о ней, о её тревоге за меня—вся моя жизнь в этих замкнувшихся сияющей сферой радужках. Но теперь—за такой плотной пеленой недоумения, что видно лишь его.

Она читает мои пути. Постоянно. Раньше говорила—сложно. А теперь, по-моему, просто не может. Мои пути разбегаются от неё, как мыши от огня, —она не успевает за ними уследить. Раньше Кассита говорила, что я всё время сворачиваю не туда. Хотя я её никогда не просила смотреть моё будущее.

А теперь?

Что скажет она теперь, если даже ей непонятно, куда мне

⁸ Свет является одним из двух Демииургов Мира, и противостоящей Силой в вечной войне между Светом и Тьмой. Не имея тела, выбирает себе Аватаров среди самых сильных существ, которых использует в борьбе за мировое господство.

идти?

—Только не говори, что мне придётся идти через *тот* коридор.

Кассита закатила глаза:

—Теперь не скажу. Ты же уже сама сказала.

Мне остаётся только покачать головой.

У меня есть к ней ещё одно дело.

—Ты спасла Линду. —Протягиваю руку. —Я дам тебе за это Обет⁹. Сможешь выменять его на свою жизнь, если мой бывший вернётся.

Кассита приподняла брови, но додумалась промолчать. Лишь кивнула. Даже спорить не стала. Я не поняла, чего в её взгляде было больше—облегчения, что у неё теперь есть Обет, который спасёт ей жизнь или страха, что он всё-таки может вернуться.

Я три года искала повод дать ей Обет. Даром дать не могла — Дармовая Сила нарушала Закон Равновесия¹⁰ и всегда оборачивалась расплатой — рушились жизни, искажались судьбы. Мир забирал своё — иногда тихо и медленно, а иногда сразу — смертью. Обет был самой мощной и древней

⁹ Обет является самой сильным и нерушимым видом Клятвы и даётся на уровне души. Может быть использован как самим получившим, так и быть передан другому. Заставляет давшего Обет выполнить любое желание обладающего его Обетом, даже если оно угрожает жизни или противоречит принципам. Также является самой тяжёлой формой Долга, поэтому умереть с не отданным Обетом считается дурным знаком и лишает умершего шанса на перерождение.

¹⁰ Главный закон вселенной, контролируемый Ходящими Тайными Путиами.

Магией, и никто в этом Мире — даже те, кто сами являются Законом, не имели власти над ней. Обет был платой за жизнь — свою или чужую. Обет был ценой.

Ещё секунда и Заклятье Обета впечатается в её запястье. Станет приказом — в её руках или любых других, кому она его передаст, и я сделаю всё, даже отдам свою жизнь, если придётся. Обет мог заставить любого, кто его дал, сделать всё, что угодно. Я отдала право на себя, чтобы у Касситы остался шанс — так или иначе у меня его всё равно не было.

Почему, пока руна Обета сползает с моей руки на её запястье, в голове ни одной мысли? Я же к ней не прикасаюсь.

Почему только эти горящие, затягивающие в себя образы? Из прошлого.

Три года. С того дня, как мы с моим бывшим расстались. Это уже срок. Но от этого становилось как-то тревожно. Сначала я не верила, что он ушёл и не вернётся. И Кассита не верила.

Но теперь, если он вернётся после такого долгого времени, станет ясно: я всё-таки слишком глубоко въелась ему под кожу, и он не может без меня жить. А значит...

Торрекьяра снова станет полем битвы, только ещё более жаркой.

Линда и Кассита—мишеням. Да и за свою жизнь я не дам и кната.

Потому что он хотел уйти.

Уйти, чтобы никогда не вернуться.

Что между нами было?

Страсть.

Не просто страсть, а та, которая может ненароком задуть.

Свести с ума.

Уничтожить.

Вспомнилось время, когда день с нетронутой тишиной был подарком. А затем в памяти проснулись те чувства. Они были до него... но навсегда останутся для меня связанными с ним.

Все эти чувства были из категории «слишком». И все были связаны с моим последним Заданием. С тем Заданием, откуда никто не вернулся. Можно было бы сказать, что вернулась только я, но это было бы ложью. Потому что существо, вернувшееся на Землю, едва держась на грани безумия, не было мной. Так что из того безумного, безумного, безумного мира никто не вернулся. Только мой бывший—с моим телом на руках.

Об этом ещё можно было думать. А вот впускать в себя те чувства—нельзя.

—Кайла...—Кассита снова взяла меня за руки, забирая часть того ужаса.

Чувствуя вместе со мной его прикосновение в груди. Часть той боли—заставляя её утихнуть.

Я забрала у неё руки.

—Я справлюсь. Не надо. Я научилась об этом не думать. И

вообще, хватит с меня на сегодня. Мне ещё к Этрам¹¹ идти.

Я не хотела поднимать голову, потому что не хотела видеть её реакцию. Хотя и так было понятно, какой она будет—по этому сдавленному то ли вдоху, то ли всхлипу, который вырвался у Касситы.

Только её слёз мне сегодня не хватало...

Кассита сунула мне в руки сначала один пузырёк—зелёный, а за ним другой—из белого стекла. В зелёных всегда были лекарства. Белые она заправляла разными абстрактными штуками.

—Ну и что тут? —я наконец заставила себя посмотреть на неё.

Кассита обиженно поджала губы, но, к счастью, плакать не собиралась.

—Зелёный—для Линды. Пусть выпьет, когда проснётся.

—А это? —я подняла белую бутылочку и покрутила её между пальцев.

—Это Поддержка. Для тебя.

Я сжала пузырёк в ладони, согревая стекло своим теплом, а потом вложила обратно в руки Касситы.

—Я справлюсь.

И... да.

Вот оно.

¹¹ Магические существа, смесь пантер и рептилий. Пифии и жрицы одного из Демиургов. Обладают абсолютным знанием о мире, которым могут поделиться в обмен на жертвенную кровь.

Началось.

Кассита топнула ногой.

—Зачем ты это делаешь, Кайла?!

Я даже была ей благодарна за этот полный возмущения, звенящий голос.

Отбивающийся от стен, разряжая застывший воздух и, наконец, выдергивая меня из нахлынувшего прошлого.

—Что делаю?

—Ты знаешь!

—Стараюсь быть сильной?

—Это не так называется!

О, эту песню я знаю!

Сотню? Или сколько там раз я её слышала?

Оказывается, в этом мире есть настолько постоянные вещи!

—Зачем ты себя мучаешь, Кайла?!

—Я себя не мучаю.

—Мучаешь!

—Всё, что не убивает, делает нас сильнее. Ты же знаешь, — улыбнулась я, не скрывая сарказма.

Всё равно она не поймёт. Спорить с продавцом «поддержки» и «мужества» о самоконтроле? Нет уж. Спорила. Надоело.

А вот Кассита думала иначе. Она уже набрала в лёгкие побольше воздуха и собиралась снова засыпать меня словами. Наверное, про чувство вины и уход от реальности в покупку

ненужных вещей.

Снова.

—Знаешь, что такое настоящая поддержка?

Мой прищуренный взгляд останавливает поток слов. Она хочет узнать. Поэтому замолкает. Слушает.

—Это когда ты на меня вот так орёшь. Я понимаю, что тебе не всё равно, и это меня поддерживает. Ясно? Так что можешь считать, что поддержку ты мне оказала. Ну всё, я пошла. Поможешь мне Линду вынести за порог? А то Аэнтон в твой дом больше не заманишь. Это, кстати, тоже она.

—Кто?

—Поддержка.

Я примирительно улыбнулась, наблюдая за её реакцией. Кассита поняла всё, о чём я только что сказала. И она согласна со мной. Но... у неё нет настроения отступить.

—Ты должна взять эту бутылку, Кайла! —закричала Кассита, и от её крика зазвенело в ушах.

И всхлип, следом за которым пузырёк снова оказался в моих руках—причём по моей собственной воле. Я подвесила его между нами, сжав металлический колпачок пальцами, и взболтала опаловую жидкость, присматриваясь.

—Похоже на кальвадос, ты не находишь?

Я едва не рассмеялась. Некоторые же бутылки у неё внутри больше, верно? Могла ли она влить, например, в эту пол-литра крепкого алкоголя?

Вполне. А что, нормальная такая «поддержка» —глотнуть

одним махом пинту кальвадоса. Чтобы по горлу—огнём, и сразу в кровь. Зажги реальность, пусть полыхнёт, как драконье пламя по венам!

Ашер бы оценил такую поддержку. Да и Линда тоже. И этот бездарь Аэнтон.

Особенно сейчас.

Огненные Маги вообще могут выпить больше, чем другие.

Линда всегда наливает, как она говорит, с «поправкой на огонь». А вот мне теперь придётся учитывать поправку ещё и на воздух...

Я склонилась над Линдой, оценивая её состояние. На твёрдую девяточку.

Выпьет из зелёного флакона—и, думаю, будет на десять. Значит, мне пора.

Я ценю время и зря его не расходую.

—Так ты мне поможешь? —мой голос стал куда твёрже, чем пару минут назад.

Кассита всегда безошибочно определяла, когда нужно просто брать и делать то, что я говорю. Поэтому, когда я взяла Линду под руки, помогла перенести и уложить её за порогом, подальше от Магии Дома.

—Я иду на Менгеш. Тебе что-нибудь принести? —я оперлась плечом о колонну, подпирающую навес над входом.

Кассита закатила глаза к потолку и обхватила пальцами подбородок—в духе мыслителей прошлого. Практичная

Кассита. Рациональная Кассита. Не та, что постоянно срыгается в истерику.

—Ну разве что пару пучков лабазника.

Значит, у неё много заказов на Приворотные Зелья.

А я вдруг решила, неожиданно, позлить её снова. Манерно закатила глаза. Улыбка—только углом рта. Сарказм—на полную катушку.

—Лабазник, значит? А что, на нормальные отношения больше нет спроса?

Эффект оказался слегка оглушающим.

—Нормальные отношения?

Глаза у Касситы стали такими круглыми, как будто она даже слышать от меня такое не могла.

Кайла и нормальные отношения? Нет, не слышали.

А я сложила руки на груди, с довольной улыбкой принимая вызов. Ну что, поговорим на равных? Кассита и нормальные отношения—примерно из той же категории. Но я мечтала о нормальных отношениях, а вот Кассита их видела разве что в кошмарах. И моментально вывесила белый флаг.

—Ну как у тебя на личном? Красавчики ещё не кончились?

—С чего бы им кончиться? —Кассита потянулась сытой, хорошо погулявшей кошкой. Улыбка на губах стала довольной. Кем бы он ни был—он точно был хорош. Я ответила ей такой же улыбкой. Я правда была за нее рада.

Кассита любила красивых мужчин. Если бы Кристиан не

был блондином, он бы точно попал под её прицел. Но светловолосые в списке её приоритетов значились в категории «нельзя». Потому что напоминали ей того, кто значился в категории «никогда больше». Ради которого она была готова на всё. Без пафоса и преувеличений. Если бы он поманил её хотя бы пальцем, пошла бы за ним куда угодно.

Только он этого никогда не сделает. В его картине мира отношения были в категории «ни разу не слышал». Да что там отношения, второй раз выбрать ту же женщину было в категории «крайне редко». Кассита в ту категорию для него не входила.

Поэтому обычно в её постели оказывались Тёмные Эльфы¹²—в первую очередь, Замбейцы¹³—во вторую, хотя за всю их Расу в основном отдувался мой друг Кид, который был совсем не против. А дальше по списку шли остальные Бессмертные¹⁴ и Маги. Светлых Эльфов¹⁵ в списке не было, как и Магов из Ордена Воздуха. Про Светлых в постели я бы не сказала ни единого доброго слова, а вот про Магов Воз-

¹² Тёмные Эльфы это один из народов Срединной Трети. Принадлежит к народам Лимба. Создан Великим Многоликим Богом в День сотворения при помощи своей крови и Котла. Поклоняется Многоликому и живёт по Законам Самхета.

¹³ Замбейцы это один из народов Срединной Трети. Принадлежит к народам Лимба. Создан Баалом из своей крови. Отличается жестокостью и алчностью.

¹⁴ Бессмертные это самые сильные представители разных Рас. Обладают свойствами своей Расы, а также способностью к воскрешению и регенерации.

¹⁵ Светлые Эльфы это один из народов Срединной Трети. Принадлежит к народам Лимба. Создан богиней Яспет, сестрой Многоликого. Живёт в Вечном Лесу.

духа...

Кристиан легко мог заткнуть за пояс в постели любого. Только я же не думаю о нём сегодня...

—Ох! Чуть не забыла!

Тёмные глаза Эгерии впились в меня взглядом. Ещё одна просьба. Судя по выражению на лице—важная.

Я спрятала руки за спиной, скрестив на обоих средний и указательный пальцы.

Тьма и Свет, пусть это будет не та просьба... Пусть она не настолько... Не настолько что? Не настолько его любит?

Скорее, не настолько глупа, чтобы использовать Обет на ту просьбу. Потому что любит она его как раз настолько.

Сейчас прижмёт палец к Руне и попросит помочь его вернуть. Слово это возможно. Слово я не пробовала.

Это тоже можно считать Проклятьем —когда твоя подруга безнадёжно влюблена в твоего Побратима¹⁶. А он относится к категории, которую лучше вообще не встречать.

—Тебе случайно ничего не нужно в Кайер Исе¹⁷?

Всего-то?

—Да нет, вроде, —пожала я плечами, изо всех сил стараясь скрыть радость от того, что она не истратила Обет на безнадежную просьбу.

¹⁶ Побратим или Хьёнага, один из двух воинов, связанных Братскими Узами.

¹⁷ Кайер Ис это главный мир Благих Земель, созданный Падшими. Населён Фэйри. Одновременно и рай, и ловушка для смертных.

Кассита погрузилась.

— Жаль... Ли́а́рэ что-то от меня нужно, а я... ты же знаешь, я на фейрило́ре ни слова не понимаю и стараюсь от Кайе́ра Иса держаться подальше.

Я выдержала паузу. Совсем короткую. Чтобы она решила, что я думала.

— Ладно, давай я схожу в Кайе́р Ис,—я сложила руки на груди снова, слегка откидывая голову, чтобы найти за собой опору и прислониться, чувствуя новую волну озноба по спине и приняла её полный надежды взгляд, — узнаю, что там от тебя нужно Королеве Фей, а ты отстанешь от меня со своей Поддержкой в бутылке.

После всего, что я могу за это попросить, — смешно.

Кассита шутку не оценила.

— Тебе же идти к Этрам! Тебя это совсем не пугает! Хотя, кому я это говорю!

Интонации исключительно восклицательные, вопросами и не пахнет.

Я посмотрела на Касситу. Да, может, во взгляде было слишком много остро заточенной стали, но в самом деле— сколько можно на меня орать?

— Ну, ладно, — протянула Кассита. — Можешь не пить. Но обещай, что ты её возьмёшь!

Я пожала плечами. Это могу.

— Всё?

Кассита кивнула.

Я пошла к машине. Аэнто сжался на пассажирском с таким видом, словно его, а не Линду, только что достали с того света. Вот кому Поддержка не помешает.

Да ты, Кайла, просто Богиня Милосердия! Дашь ему зелье? После того, что он сделал?

Я уперлась руками в крышу машины, заглянула в окно и добила Аэнто вопросом:

—Сколько наших умерло там?

Маг практически слился с сиденьем. Не по цвету, конечно, а по тому, что их обоих можно было отнести скорее к неживым объектам.

—Ну, сколько?

За те пять лет, что мы знакомы, Аэнто уяснил, что в таких случаях лучше мне отвечать быстро.

—Двое.

Неожиданно. Я думала, не меньше десятка. Хотя если быть честной, я думала, что не выжил никто. Уровень нового Верховного Мага наших врагов приравнял их шансы к нулю. Поэтому про двоих погибших в этом случае можно было сказать—всего двое. Хотя, если бы одной из них была Линда... Думаю, на Земле на следующий день был бы только один Магический Орден. Наш.

И что, Кайла, ты бы их всех убила? За Линду? Непременно. Даже Кристиана? Ну? Его бы ты тоже убила?

Ответ оказался выписан в моём сознании цветом бескрайних синих небес. Таким же, как его глаза.

Я вздохнула и вернулась к допросу.

—Кто?

—Орсино, —прохрипел Аэнто.

Орсино пал в бою смертью храбрых? Кто бы мог подумать! Наверное, споткнулся и сам себя сжёг.

—А кто второй?

—Фабио Эскулато.

—А это кто? Что-то я такого не помню.

—Это новый аколит.

—А что новый аколит делал в бою, кроме того, что умер?

—Он замёрз. Там всё замёрзло. —губы у Аэнто дрожали, когда он говорил, и от этого слова выходили смазанными.

—И много ещё людей там замёрзло?

Внутри всё сжалось. Значит, Кристиан мне солгал, что я была единственной жертвой на той площади?

А чего ты ждала? Правды? От врага?

Аэнто покрутил головой.

—Замерз только один?

—Выходит, один наш воин, —я не стала скрывать иронии, ну какой из Орсино воин? —умер в бою, а второй—превратился в сосульку?

—Почему в сосульку? — изумился Аэнто.

—Ты же сказал, что он замерз?

Аэнто кивнул.

—Да, замерз. Холодно было, как в Аду. — Кажется, от страха метафоры у него лепились как попало. —Он замерз,

простыл и ночью умер от горячки.

Ясно. Умер от горячки. Бедняга. Вышел бы из него воин, мы уже не узнаем.

—А кто-нибудь замерз сильнее?

Я что, и дальше пытаюсь выяснить степень его лжи?

—Я не видел, Линда упала, —и без того тихий голос Аэн-то совсем прервался.

Он и правда переживал за Линду.

Ладно.

Я протянула ему флакончик, из-за которого только что Кассита устроила истерику.

—На, выпей.

Мне не было его жаль. Просто он должен присмотреть за Линдой, а для этого ему нужны силы. И, кроме того, мне было любопытно. Из моих знакомых ещё никто не пил из этих белых бутылков—все справлялись сами.

Я ждала, буквально впившись взглядом в Мага, пока он кое-как отвинчивал крышку и делал глоток. Затем глубокий рваный вдох. Как будто до этого кто-то держал его за горло, а теперь, наконец, отпустил.

Какой-то эффект от Зелья явно был.

Только сейчас я заметила, какой он бледный, потому что он стал приходить в своё нормальное состояние прямо на глазах. Взгляд постепенно становился твёрже. Дыхание выравнилось. А в бутылке оставалось ещё больше половины.

—Какое оно на вкус? —любопытство, бесперебойно щёл-

кающее в голове, заставило меня задать вопрос.

Аэнто сделал короткий глоток. Облизнул губы.

—Не знаю. Вкусное.

Я отвернулась.

Даже на простой вопрос не может ответить.

Он бесполезен.

Без-по-ле-зен.

Был и будет.

—Сейчас ты возьмёшь Линду, отнесёшь в машину и положишь на заднее сиденье. Сам сядешь на пассажирское. Я отвезу вас в Орден. Там уложишь её в мою постель. Её кровать сожжёшь.

Да, я говорю с ним таким тоном, каким обычно говорят с тупицами. Он без пяти минут Архимаг. Надежда Ордена. А для меня важно одно—он идиот. «Идиоты в этом мире не выживают!»—вот что я должна орать ему каждый день. Но я не умею воспитывать, не умею орать, чтобы доходило до тех, до кого не доходит.

Учитель умел.

Я—нет.

Поэтому я продолжаю давать ему указания в духе навигатора.

—Когда проснется, дай ей это Зелье, —я сунула вторую бутылочку ему в руки. Пока я не вернусь, пусть никуда не выходит. И закажет себе новую кровать.

Иду к дому, фиксируя кивок и на половине пути—звук

открывающейся двери машины и его шаги. Улицу прорезают длинные тени от домов. Солнце садится. А мир сегодня кажется мне особенно негостеприимным. Почти как в *тот* день.

Жестокий мир. Ломающий, убивающий мир.

Серое небо, серая трава под ногами и Кассита, сверлящая меня недовольным взглядом.

Я подошла к ней, чувствуя уверенный толчок раздражения в груди.

Если она ещё не поняла, что происходит, я ей сейчас объясню. Земля на грани катастрофы. Источник Магии Огня, который питает этот мир, умирает.

Я знала, что однажды он полностью погаснет, только не знала—когда.

Кассита шагнула ко мне, и город—все запахи, звуки, ощущения—ушёл в небытие. Мир застыл.

Образы потекли через наши сомкнутые ладони. Замерзшая Земля, где нет ничего, кроме холода и снега. Кассита ищет новый мир, потеряв всё, что удалось накопить. Снова без дома. Без будущего.

Снова она Тёмная Эльфийка без Рода. Никто не зажжёт лампаду в Храме после её смерти, никто не произнесёт Истинное Имя¹⁸ и никогда Многоликий Бог¹⁹ не примет её в

¹⁸ Истинное Имя это имя, данное при рождении или переходе в новое состояние. Связано с душой и позволяет лечить, вызывать, а также проклинать его обладателя, поэтому обычно скрывается. Записывается при помощи Рун.

Круг Самхета²⁰, даруя новую жизнь.

Кассита выросла в Хамадаре²¹, пристанище Тёмных Эльфов без Рода. Её мать не знала имени её отца, поэтому отдала её, как и сотни других, в Хамадарскую крепость.

Стать Эгерией для неё—шанс выбраться из ямы, в которую она угодила, так неудачно родившись. Это меня и зацепило, когда мы познакомились. Она—как я. От рождения—по уши в болоте. Но всё равно барахтается. Поэтому я помогла ей купить дом и обзавестись всем, что нужно, чтобы быть Эгерией.

Мне иногда кажется, что я делаю это в какой-то безумной надежде, что и меня чья-то рука поймает, когда я слишком близко подойду к краю и сделаю ещё один шаг. Я и вправду на это надеюсь.

Но не верю.

Поэтому вижу в те моменты, когда сон и явь смешиваются в тугой комок, как чьи-то пальцы ловят пустоту, а я проскальзываю сквозь них.

Снова и снова.

¹⁹ Многоликий Бог это один из сильнейших Древних Богов.

²⁰ Круг Самхета это часть Закона Самхета, верховного закона Многоликого, позволяющая его последователям перерождаться внутри этого круговорота жизней. Предполагает награду в следующей жизни для преданных Верующих.

²¹ Хамадар это огромный храмовый комплекс, где живут безродные, то есть незаконнорождённые Тёмные Эльфы, спонсируемый всеми верующими и другими Храмами. Даёт его воспитанникам знания, а также воинскую подготовку, повышая шансы быть принятыми в какой-нибудь Род или освоить профессию.

Испытывая. Испытывая. Испытывая. Терпение того, кто всё-таки решит когда-нибудь это сделать.

Эгерии проходят Обряд Посвящения, и те, кто выжил, могут взять Силу и пустить корни в каком-нибудь из миров. За пределами этого мира она—прах и тлен. Не сразу, конечно, но со временем.

Здесь—бессмертна. Вечна. Сильна. Богата. Почти счастлива. Иногда даже без «почти».

Дважды стать Эгерией невозможно, поэтому, если Земля замерзнет, у Касситы не останется ничего. Будет даже меньше, чем вначале. Потому что раньше у неё был хотя бы шанс, а теперь не будет и его.

—Ты же не позволишь этому случиться? — шепчет она.

Что мне ей ответить?

Что сделаю, всё, что смогу? Что я родилась для того, чтобы этого не случилось? Что люблю этот мир? Что я почти у цели и медальон почти у меня?

Слишком много «почти» ...

Так дела не делают.

Руки Касситы стали холодными и влажными. Дыхание ускорилося от всех этих мыслей, свалившихся на неё. На глазах блеснули слёзы.

Учитель говорил, что всё, что есть в этом мире, —это острова, под которыми гуляют стремительные течения. Когда ты почувствуешь течение, ты увидишь, что в нём живёт.

В этом течении жил страх.

Звенел натянутой струной. И собирался сожрать Касситу. Она смотрела на меня, как маленький, обезумевший от ужаса зверёк, угодивший в ловушку. Таким ничего не говорят. Таких просто спасают.

Я обняла её, как обычно это делают с детьми. Начала гладить по волосам, пока она не затихла, опустив голову мне на плечо. Мне такое помогает. Может, поможет и ей.

Хуже уже не будет. Теперь ты знаешь. Теперь остаётся верить. В меня.

В удачу. В зелёный огонёк, в который верил Гетсби, в свет невероятного будущего счастья. В Зелья в белых пузырях...

Да во что угодно, что поможет тебе подняться!

Я так всегда делаю.

—Принесёшь мне какой-нибудь платок? Я схожу к Этрам, а потом заеду к тебе, идёт? Расскажу, как я умудрилась подцепить Магию Воздуха, если Этры, конечно, знают.

—Они всё знают, — проворчала Кассита завистливо, поднимая голову с моего плеча.

Да, Этры знают больше, чем все существа в этом мире. Даже Древние Боги, такие как Многоликий, не знают столько, сколько известно Этрам.

Я разжала руки и Кассита побежала в дом за платком. По расправленным плечам, по поднятой голове, по чётким, резким движениям было видно—она в порядке.

Верит.

Это подняло мне настроение. Пусть на какую-то долбанную йоту, но всё же...

Через три дня Равноденствие, и я узнаю, где этот долбанный Ключ²². А завтра утром я встречаюсь с мистером Гейтом, и пусть он хоть трижды наш VIP-клиент, но всё равно—какое право этот недоумок имеет на медальон отца? Какое право он имеет не продавать его?

Я уже сбилась со счёта, сколько раз я отправляла ему запрос на продажу медальона от имени Ордена. От своего имени не могла. Формально я к отцу не имею никакого отношения. Формально моя мать — Аламада Строщи, ифрита. А отец... Даже не помню, что там в метрике записано. Какой-то человек, в общем.

Только Кассита и Линда знают, что первые пять лет своей жизни я провела в приюте на улице Матталето. А про остальные годы моей жизни знает только мой бывший. Только думаю, он давно не на Земле.

Раз в три месяца я отправляла мистеру Гейту письмо, пропитанное надеждой. Сначала — с кругленькой суммой за медальон. Потом с огромной. Потом—ради любопытства, с колоссальной. Столько вообще не стоят медальоны Верховных Магов. Столько платят за страны, если бы кому-то вздумалось их купить.

Каждый раз, получая от мистера Гейта ответ, где за обяза-

²² Ключ — это артефакт, который способен запустить Источник Магии внутри Земли, чтобы предотвратить новый Ледниковый Период.

тельной деловой вежливостью было только слово «нет», мне хотелось скомкать письмо и бросить ему прямо в лицо. Желательно добавив к нему побольше Силы, чтобы его наверняка размазало по улице.

Ситуация замкнулась и наворачивала по кругу, путая все мои планы.

Ну, раз он не хочет по-хорошему, значит, я сама заберу то, что принадлежит мне, из его снобистской квартирки на Виале делла Либерасьоне.

Потому что, пока он спокойно спал в своих апартаментах, отправив мне свой последний отказ, я достала план на его квартиру, сплела Заклятье Поиска и узнала, в какой комнате лежит медальон. И когда он проснулся, я уже пила кофе, глядя на окна его снобистского пентхауса.

Понимая, что этот сноб проиграл.

Зачем ему медальон? Одевать его и расхаживать по квартире, представляя, что он Верховный Маг? Или играть в Главу Ордена в постели с какой-нибудь Огненной Волшебницей?

Finita la comedia, мистер Гейт! Завтра такой возможности уже не будет!

Кассита принесла шелковый шарф. Белый и гладкий, похожий на застывшую реку молока. И я поняла, что проголодалась. Нужно будет заехать куда-нибудь поесть. Простроила маршрут в голове: Орден, Соборная площадь и... Тьма, у меня же сегодня встреча с нашим Главой!

Ладно, там и поем.

На ходу оборачивая шарф вокруг шеи, сажусь за руль, машину на прощанье Кассите. Проверяю Линду взглядом. И этого болвана Аэнта, которому настолько полегчало, что он не пристегнулся.

Прячу улыбку.

Не пристегнулся он!

Идиот. Ну что с него взять?

Машина рванула сразу, как только щёлкнул замок на двери. Маг вцепился скрюченными пальцами в ремень безопасности, пытаюсь пристегнуться, и затащил беззвучную молитву.

Как обычно.

Не помогает твоя Поддержка, Кассита!

Его душа—мелкая лужа. Много ты туда не вольёшь из своих белых пузырьков.

Сбавляю скорость.

Не ради него, ради Линды. Не хочу, чтобы он её уронил.

Глава 3

Ansuz Знание. Откровение. Судьбоносные слова.

Через пятнадцать минут, оставив позади древние стены Аббатства, я въехала на Соборную площадь. Припарковала машину напротив базилики и вышла, смешавшись с толпой туристов.

Мраморная громада собора на Пьяцца дель Дуомо была центром паломничества уже седьмой век. Тут, как всегда ближе к закату, пахло фокаччей, крепким кофе и Апероль Шприц. К этому добавлялась прохлада, которая налетает с гор, создавая коктейль, который для меня неразрывно связан с городским вечером в Милане.

Шпили Миланского собора всегда напоминали мне языки застывшего пламени. Этот стиль так и называют—пламенеющая готика. Может, это напоминание для потомков, что Магия Огня важна. Что без неё мир умрёт. Замёрзнет, как эскимо.

Разве это не повод прекратить войну?

Видимо, для Магов Воздуха—нет.

Я вошла в собор, прошла вдоль центрального нефа, пронизанного лучами низкого солнца, и свернула к двери, про которую никому не говорят, но про которую все знают.

За дверью тьма была непроглядной. Она поглотила без остатка всё живое и неживое, что было внутри, и готовилась

поглотить меня. Я шагнула в темноту, по-звериному напрягая все чувства. По самому полу скользил сквозняк. Мне показалось, что я нахожусь по щиколотку в могиле—такой мёртвый здесь был воздух.

Но это даже не Коридор.

Это только преддверие.

Маленький трюк, чтобы мы почувствовали вкус страха. Потому что Этрам нужен страх. Эманации ужаса, которые мы источаем, пока идём к ним.

Тьма сгустилась ещё больше, но привыкшие к темноте глаза различили призрачную дверь прямо передо мной. Кожу ожгло холодом, как будто я проваливалась сквозь тонкий ледок в замерзающую воду. Что чувствуют люди, когда проходят сквозь призрак? Скорее всего, примерно то же, что я сейчас.

Сердце сбивается с ритма.

Кровь стынет под кожей.

Выдох рассыпается инеем.

Всё это обычно занимает несколько секунд задержанного дыхания.

За призрачной дверью я остановилась, наблюдая за таинственными движениями во тьме, неразличимыми для человеческого глаза. С потолка что-то текло невесомыми струйками. Люди этого не видят. Только чувствуют. А я вижу и набираю полные пригоршни этого «ничто», осыпающегося сквозь пальцы и превращающего мир в разваливающийся

пазл.

Вместе со следующим шагом меня накрыло ощущение, что я отключилась, впуская в голову какой-то странный и неприятный сон, который через миг сдувает новая волна. Все волоски на моей шее становятся дыбом. Но я всё равно иду, шаг за шагом, чувствуя, как мрак пропитывает ткань одежды, ласкает сквозь плотную материю.

Шёпот скользит по стенам и обступает меня со всех сторон. Может, кто-то различает в нём голоса? Может с ними говорят их близкие? Или их жертвы?

Я их не слушаю. Просто иду дальше — в Коридор Тысячи Дверей.

Первая вырастает передо мной, как обломок, выхваченный светом фар прямо перед столкновением. Она зеркальна. В чём задумка? Люди видят своё перекошенное ужасом лицо?

Возможно.

Я вижу девушку в чёрном. Слегка растрёпанную из-за того, что завязывала шарф, не глядя. Смотрю в глаза, доставшие мне неизвестно от кого — у отца глаза были тёмными горящими углями, как у большинства Огненных Магов. У той, что дала мне жизнь, глаза были золотые — как у всей её Расы. А у меня, по словам моего бывшего—как тёплый океан возле берегов Бразилии. Кристиан тоже сказал, что мои глаза напоминают ему океан.

И много ещё чего сказал.

Слишком много для одного дня...

Зеркальная дверь распахивается надвое, срастаясь половинками со стенами, которых нет. Зато есть другие двери. Тысячи дверей, стоящих друг напротив друга, образуя бесконечный коридор.

За ними—страхи.

За каждой—отдельный, выкристаллизованный страх.

Можно выбрать любой.

Например, тот, что за этой тяжёлой свинцовой дверью. Или другой — за красноватой дверью из порфира.

Я иду вперёд, задержавшись только раз, возле лазурной двери с изображенными на ней танцующими на воде дельфинами. И людьми. Женщинами. Мужчинами. Одежда и волосы одной из женщин развеваются, будто под водой, и она беспомощно цепляется за воздух. У мужчин глаза, как у рыбы на колотушке.

Все они тонут.

Некоторые прямо на суше.

Сюда я никогда не вхожу.

Как будто Этры вывесили на ней предупреждение—специально для меня. И для тех, кто утонуть боится больше, чем умереть.

Идти на дно, захлёбываясь мутной водой... Задышаться от ужаса... С каждым вдохом чувствовать костлявые пальцы, сжимающие горло, и всё равно хотеть этого. Хотеть именно этого и ничего другого.

Это почти единственное чёткое воспоминание, просыпающееся во мне каждый раз при слове «детство».

Всего их три.

Это не оставило отметин на моём теле, как другие два. Светлых шрамов, слишком заметных на смуглой коже—от собачьих клыков. И тонкой полосы вдоль линии позвонков—от кольев ворот.

Сейчас шрамов на мне не остаётся. А тогда я ещё была человеком.

Я, конечно, могу их свести, но... Каждый раз меня что-то останавливает.

Я не хочу забывать.

Коридор кажется бесконечным. Но если идти вперёд, не выбрав ни единой двери, пока Этрам это не надоест, он закончится выбранным самими Этрами страхом.

Этот страх и есть «тот самый», который можно писать с большой буквы.

Этот Страх у меня всегда один и тот же. Не вода в лёгких и не щелкающие пасти доберманов перед моим лицом. Этот Страх накрепко пришит к моей душе — ни за что не оторвать.

Я вхожу в Него снова и снова. Привыкаю. Становлюсь сильнее.

Так мне кажется.

Я иду медленно — мне нужно найти одну дверь. Ту, которую я мечтаю когда-нибудь открыть. За которой я даже не

представляю что. Точнее, представляю и каждый раз пони-
маю—мимо.

Дверь Моих Бессонных Ночей.

Сегодня я нахожу её быстро, как будто Этры мне подыгры-
вают. Её приближение отзывается у меня под ногами моно-
тонным гулом, пронизавшим насквозь всё тело. По шее про-
бегают дрожь, когда я вижу её снова. Останавливаюсь. Счи-
тываю её образ, сверяю с выбитым в моём сердце.

Она.

Тринадцать тысяч тринадцать замков и столько же клю-
чей, подвешенных или лежащих на всём, что есть на ней го-
ризонтального. Она из обсидиана, гасящего любые заклятья,
замки из Небесного Металла, поэтому Магией её не открыть.

Она чернее тьмы, прекраснее всего, что я видела до это-
го. Она больше любой из других дверей в этом Коридоре.
Подобрать ключ к каждому замку и открыть её—программа
«максимум» моей жизни.

Прислоняюсь к ней лбом, прислушиваюсь к вылетающему
из груди сердцу. Сжимаю на ручке влажные от напряжения
пальцы. Я не знаю, что она такое. Не понимаю, почему она
на меня так действует.

—Я вернусь, —шепчу ей и наконец отпускаю ручку и иду
навстречу своему Страху.

В конце коридора меня ждёт туман. Я чувствую его ещё
до того, как вижу. Самое страшное в том, что я знаю, что
сейчас будет.

Туман медленно затягивает коридор вокруг меня. Проникает сквозь кожу и подбирается к самым потаённым уголкам моей души.

Все, кого я знала и любила, уходят.

Исчезают.

Смерть Ашера, смерть Киная, смерть Кида, смерть Каситы и Линды, смерть, смерть, смерть, смерть—имена исчезают, стираются из памяти, а смерти остаются. И с каждой из них мир всё тоньше, такой тонкий, что вот-вот проломится под ногами.

Когда уходит мой Побратим, я уже ничего не чувствую. Но вглядываюсь во влажную от тумана землю под ногами, выискивая их следы, приносясь, прислушиваясь, чувствуя, что оказываюсь очень близко к пределу. Пределу прочности, который держит меня на плаву. Я одна в этом мире, и больше нет никого. Никого не было и не будет.

Я одна.

Вся моя жизнь—только плод моего воображения. Я вечность блуждаю в тумане и буду блуждать ещё столько же. Временами вспоминая и начиная искать снова следы тех, кого не существует.

Что Этры думают о наших попытках убедить самих себя в том, что мы по-настоящему живы?

Что они думают о моих попытках очнуться, судорожно глотая воздух? Чтобы начать заново тонуть в тумане, цепляясь за тени своих любимых.

Это слишком похоже на самоистязание.

Я больше не вспоминаю тех, кого потеряла. Больше не возвращаюсь в прошлое. Это было бы *слишком*.

Это *было* слишком в прошлые разы.

А теперь я отпускаю.

Не по-настоящему, конечно.

Притворяюсь, что отпустила—на все четыре.

Всех.

И себя, в том числе. Становлюсь историей, рассказанной зимней ночью. Зернышком памяти, частицей дыхания, из которого когда-то была соткана эта история. Я невесома, прозрачна. Меня нет настолько, что чувствовать страх просто некому.

А значит...

Я победила!

Ветер гонит от меня туман, оголяя пустой каменный тоннель, такой же древний, как этот мир. Обычно он пустой. Но сегодня весь пол заливают вода. Я едва успеваю сбросить и подхватить туфли, чтобы не идти потом в мокрой обуви. Вода стекает по стене справа от меня, течёт по полу, огибая мои голые ступни и падает с огромного уступа. Я слышу плеск ударяющейся о камни воды.

Вода на полу сейчас доходит мне до выступающих косточек на ногах. И пока я иду, она не поднимается. Я люблю воду несмотря на то, что боюсь утонуть.

Эта вода прохладная и немного пахнет фиалками.

Мне нравится вода и фиалки. Что сделает с этим чья-то извращённая фантазия, чтобы меня напугать?

Я иду, вслушиваясь в тишину вокруг, нарушаемую только моими шагами и плеском воды. И вдруг, из темноты выныривают ещё звуки—другие, влажные шлёпки со стороны каменных ступеней. Похоже на то, что кто-то поднимается по отвесной стене, шлёпая лапами по мокрой поверхности камня. Я могу пойти быстрее, а могу подождать.

Но Учитель учил меня встречать страх лицом к лицу.

Поэтому я останавливаюсь.

Тут так мало света, что я вижу только еле заметную линию, за которой исчезает вода. Шлёпки становятся ближе. Мне не страшно, но почему-то совсем не хочется узнать, кто поднимается по стене. Не хочется настолько, что я отворачиваюсь и снова иду вперёд по тоннелю. Спустя несколько моих шагов шлёпки стихают.

Я оборачиваюсь.

Вижу тонкие пальцы, вцепившиеся в край ступени. Между ними перепонки, как у водоплавающих птиц. Наверное, это существо давно живёт здесь, потому что руки такие бледные, словно они никогда не видели солнечного света. Я не хочу смотреть.

Отворачиваюсь.

Кожей чувствую, как над краем поднимается голова, как существо забрасывает одну ногу на край ступени, неестественно изгибая суставы, как огромная лягушка, потом вто-

рую, упираясь обеими перепончатыми ладонями в дно тоннеля, покрытое водой, потому что я слышу тихий всплеск.

И встаёт.

Потому что дальше я слышу только звук, похожий на тот, который оставляют мои шаги, только более глухой и расплещанный из-за перепонки на ногах. Лучшее, что я могу сделать — это идти, не оглядываясь.

Но когда я делала лучшее?

Я оборачиваюсь прямо навстречу тому, что идёт следом за мной, подражая моим шагам.

У неё неровно обрезанные мокрые волосы, чуть длиннее линии подбородка. У неё бледная, насквозь пропитанная влагой кожа, какая бывает только у утопленников. По тонкому телу струится вода. У неё на щеках тёмные полосы, тянущиеся из уголков глаз, какие могли остаться, если бы слёзы текли целую вечность. Её глаза слепы. Веки плотно срослись, как будто зрение—не то, что ей нужно. Она похожа на меня, как две капли воды.

Она—я.

Я закрываю глаза раньше, чем отворачиваюсь. Внутри не остаётся ничего, только вымораживающий душу страх. Ладони вспотели, как в детстве. Как будто я никогда ничему не училась. Как будто я снова маленькая девочка, у которой на глазах сдохла её мечта.

Вытираю ладонь о платье, перекладываю туфли в другую руку и вытираю вторую. Иду вперёд. Быстро или медленно—

не важно. Я уже обернулась, уже увидела. Я продолжаю свой путь, а слепая девушка ступает за мной мягкими движениями, так похожими на мои, в полумраке тоннеля под всё ещё тёплым, не остывшим с осени городом, полным живых, ничего не подозревающих людей. Едва прикасаясь к окружающему миру и не оставляя следов.

Как я.

Как учил мой Учитель.

Она идёт за мной, а я мертвею от ужаса.

Она—это что-то, чего я не хочу больше, чем остаться одной. Но думать об этом так страшно, что я выбираю отстраниться от этих мыслей.

Снова.

Просто слушаю наши шаги. Мои и её. Слишком одинаковые, чтобы они могли принадлежать кому-то другому. Сколько это продолжается—не знаю. Но думаю, что достаточно, потому что впереди, наконец, проступают вершины Ветреных Гор, засыпанные снегом. До них я не дойду. Это просто ориентир. Что-то вроде надписи «конец» на последней странице.

В этом месте я обычно думаю: мой страх позади, но сегодня это не работает. Я не уверена, что слепая девушка не пойдёт за мной дальше, что не услышу шорох её шагов, не почувствую её присутствие за спиной.

Это полный бред, Кайла.

Наконец говорю я себе голосом Учителя. Пойдёт за то-

бой? Пусть идёт. Просто не оглядывайся. Хотя ты же и так не оглядываешься. Надоест—убьёшь. Прихлопнешь, как муху. И ты не знаешь, что будет дальше. Может, с ней ты избавишься от ощущения одиночества.

Хотя это тоже бред! Хорошенькая компания на всю жизнь—я и слепая утопленница! Этрам придётся быть со мной очень откровенными сегодня за такие игры с моей головой.

Пещера Этр была настолько огромной, что, даже пробегая вперёд, пока одна из них бросалась мне наперерез, я не успевала увидеть, есть ли тут что-то ещё, кроме уходящего вдаль каменного пола и нависающего над ним потолка. Мне нравилось видеть их сильные движения и ощущать горячий запах их хищного дыхания за моей спиной.

Они всегда меня догоняли.

Я всегда поддавалась.

Сейчас они сидели втроём, в один ряд, как и положено, обернув хвосты вокруг лап идеальным полукругом. Как статуи, вышедшие из-под безмерно талантливой резца. Они абсолютно неподвижны.

Но...

Крепкие мускулы под чёрно-бархатными шкурами напряжены, передние мощные лапы с силой упёрты в каменный пол. Глаза следят за мной слишком прицельно.

Они готовы в любой момент сорваться с места, загребая метр за метром камни пещеры и прыгнуть, прижимая меня

к полу, но слегка, совсем мягко, играя. И даже позволить запустить пальцы в их наэлектризованную Магией шерсть.

Они меня узнали.

Они ждут.

А я слишком зла.

Слишком зла на них, чтобы играть. И буду злиться ещё долго, пять минут—слишком мало для меня, чтобы проглотить свою злость и принять, что они достают эти образы из моей головы, а не создают сами. Моя голова—моя проблема, а значит, и вина—моя.

Не хочешь умирать от ужаса, так открой любую дверь. Выбери любой страх. Пожары, падения с высоты, темнота, пробирающая до костей. Но ты же не хочешь.

Там тебе не страшно.

Ты хочешь так, как сейчас—адреналин в крови плавит кости. Дыхание сжигает горло. Это как полёт на скорости под двести с лишним миль в час. Тьма и Свет! Как же это хорошо...

Не нужна мне никакая Поддержка, Кассита!

Я сама себе поддержка!

Ты бы просто с ума сошла, если бы узнала, что я часто прихожу сюда поиграть с Этрами. Не через коридор. Я могу и так сюда просеяться — моей Магии хватает.

Но я иду через коридор. Специально.

Ради победы.

Над страхом.

Над собой.

Эти победы для меня самые важные. Потому что я хочу видеть в конце тоннеля только голые камни, а не страхи. Как мой Учитель и мой Побратим.

Но теперь это кажется ещё менее реальным. Вчера у меня был только один страх, точнее два... хотя, со страхом утонуть я смогла бы что-нибудь сделать, а теперь ещё эта утопленница, шлёпающая за мной! Поэтому я злюсь.

Но даже сквозь злость я помню, что Учитель учил меня обращаться с миром очень осторожно—присутствовать в нём, но оставаться скрытым. Поэтому я представляю, что на мне доспехи, лёгкие, невесомые, из света и Силы, и этот мир не может меня коснуться. Я иду, и с каждым моим шагом новый узор пробегает по броне, как свет по воде, делая меня абсолютно недоступной.

Для Этр в особенности.

Они знают всё на свете. И они могут открыть любую тайну этого мира, если сможешь заплатить. Их Магия пульсирует в земле—древняя, могучая. Она заставляет с благоговением приклонить колени входящих сюда. А тех, кто ходит в эту пещеру поиграть с Этрами, чувствуя необъяснимую тягу к этим существам, —просто обуть туфли и наклониться к жертвенному камню за ножом.

Сегодня я для них закрыта, и пусть моя броня—только в моём воображении, но кто вообще сказал, что реальность—реальна?

В этой пещере самое реальное—кровь, которую мы отдаем за ответы. Всё имеет цену. Люди отдают кровь вместе с днями жизни, остальные—отдают Истинную Кровь. Чем сильнее Магия, тем меньше можно дать Истинной Крови за ответ.

Беру каменный нож и провожу линию на ладони. Протягиваю руку одной из Этр, той, что сидит поближе. По правилам нужно лить кровь на жертвенник, и Этры слизывают её по очереди.

Но... зачем?

Если бы что-то стоило больше одной капли моей крови, что-то вроде ответа на вопрос: «где этот долбанный Ключ, без которого потомок рода д'Эсте не сможет запустить Источник Магии, чтобы Земля не превратилась в сосульку», то рана на ладони всё равно затянется быстрее.

Но Этры не могут ответить мне, где Ключ. Они могут только вскочить и разбежаться в разные стороны пещеры, чтобы сесть и смотреть на меня оттуда, пока я не пожму плечами и не скажу:

—Ну ладно, больше про Ключ спрашивать не буду.

И тогда соизволить вернуться, текучими движениями проходя путь, который только что промчали тремя прыжками.

Этры—почти кошки-пантеры. Они кошки ровно настолько, насколько не рептилии. Я знаю, что на внутренних поверхностях лап и животе у них—чешуя, такая же чёрная, как

шерсть, и уши настолько плотно прижаты к головам, что, возможно, их совсем нет. Для кошек они слишком массивны, лапы слишком объёмны. Для кошек они слишком рептилии. Но языки у них кошачьи. И один из них сейчас прижимается к моей раскрытой ладони.

Я не понимаю, что именно чувствую, когда прикасаюсь к Этрам. Это ощущение слишком полное, чтобы его можно было описать. Им нравится моя кровь, мне нравится их Магия, и этот обмен кажется мне равноценным.

Когда третья Этра слизывает с моей ладони третью каплю, я складываю руки на груди и смотрю на них: третий страх, да? Серьёзно? Из какого моего кошмара вы вытащили эту утопленницу? И почему мне вообще было так страшно?

Конечно, я ничего такого им не говорю. И, конечно, Этры делают вид, что они ни при чём. Сидят себе спокойно.

Смотрят.

При желании каждая из них может откусить мне голову одним щелчком.

Но мне хочется верить, что я нужна им живой.

Я могу задать любой вопрос. Например:

—Как стать бесстрашной?

—Как перестать бояться потерять тех, кого люблю?

—Как не чувствовать себя плоским камушком, запущенным по поверхности воды, который изредка ударяется о реальность, но большую часть проводит в полёте? И которому от каждого такого удара становится хуже. Потому что есть

одно правило—любой запущенный по воде камушек в итоге пойдёт ко дну.

Такие вопросы я не задаю.

Хотя именно на такие вопросы я бы хотела получить ответы в первую очередь.

Тогда жизнь моя станет куда как проще. Только это как с Поддержкой в бутылке—вроде бы и полегчало, но завтра без этой бутылочки тебя снова размазывает по асфальту.

Вопрос вертится на языке и кажется вполне безопасным:
—Откуда у меня Магия Воздуха?

Жду в ответ что-то вроде:

—От Мага Воздуха.

Но Этры произносят другое:

—Дар Любви.

Когда они говорят, то в их голосе сливаются воедино ещё дюжина других голосов, и слова звучат странно и красиво. Как будто говоришь не с тремя существами, а со многими.

—Что такое Дар Любви?

—Древняя Магия.

Ну вот, это уже похоже на Этр: ты спрашиваешь—они отвечают, только от ответов понятнее не становится. И ты снова спрашиваешь. И снова платишь.

Над следующим вопросом я думаю.

Чтобы понять, что такое этот Дар Любви, спрашивать не нужно. Достаточно быть женщиной и быть там, с ним. Видеть солнце в его глазах. Горячее. Жадное. Чувствовать си-

лу, с которой он...

Стоп.

Кайла, остановись!

Такие мысли—хрупкий лёд. Не иди туда..

Потому что у тебя снова пульс под сто с лишним!

Вдыхаю.

И выдыхаю.

Полностью сосредотачиваюсь на дыхании, на теплом воздухе, касающемся моих губ. У меня сотни таких уловов. На все случаи жизни.

Усмири своё сердце и включи голову! А то будешь тут стоять вечно! Твой обед сам себя не съест!

Живот скручен в тугий узел от голода, и это заставляет меня, наконец, начать думать о фактах. Ничего удивительного, что он отпечатал во мне свою Магию. Он настолько сильно хотел присвоить меня и навечно оставить свой след во мне, что сделал это. А я была настолько открыта, что приняла.

И все эти «откуда» и «почему», все эти причины, впечатавшие в меня Магию Воздуха—просто порывы ветра, направляющие камушек, летящий над водой. А мне нужны круги на воде, оставшиеся от удара.

Нужна новая точка отсчёта.

Строю вопрос, не думая. Так охотник целится в бегущего зверя. Кто подсказывает ему, его пальцам на тетиве?

—Что важного изменилось во мне после того, как я получила Магию Воздуха?

Десятки голосов отражаются от пола и потолка, когда Этры отвечают:

—Твоя Магия Огня вышла за Предел.

Мой рот округляется, а потом и вовсе вытягивается буквой О.

У меня, что—теперь Магия Огня вне уровня? Как у драконов? И звёзд?

В голове — белый шум, когда я пытаюсь это осмыслить. Разум отказывается это принимать. В довершение всего — я не только с открытым ртом, но ещё и хлопаю глазами. Похоже, сегодня у меня совсем не ладится ни с реакциями, ни с вопросами... потому что я выдыхаю «почему?» раньше, чем успеваю подумать.

Где Кайла, умеющая задавать вопросы, видящая на пару ходов вперёд при любом раскладе, понимающая всё сама?

Где она?!

И что это за Кайла, стоящая с открытым ртом и хлопающая ресницами?!

—Воздух питает Огонь, и он горит сильнее, выходя за Предел.

Этры довольны. Ещё вопрос—ещё кровь. А я злюсь. До этого я могла бы додуматься и сама!

Пройдя обратно сквозь неф и вдохнув вечер, как будто сто лет его не вдыхала, я села в машину. Этры получили по капле моей крови и были разочарованы, что я ухожу. Если бы не пережевывающий мои внутренности голод—я бы побегала

с ними. Но хотя моя злость утихла, сегодня сил на это не было. Я открыла окно в машине и вытянула ноги, откидывая голову на спинку сиденья.

На улице стало прохладнее. Воздух медленно втягивался в лёгкие. Зябкий, ещё сырой после недавнего дождя. От прохлады, которую так требовало горячее тело, улица качнулась перед глазами. Меня полдня знобило, потому что изменился уровень Магии и поднялась температура. Скоро это пройдет. Хотелось полежать в горячей ванне. Мне бы сейчас это помогло.

Магия вне уровня—это как стрелять из огнемёта, у которого никогда не кончится заряд. У Архимага может закончиться Сила, а я теперь могу черпать её из своей Истинной Крови, не накладывая Заклятья. И быстрее регенерировать. Получается игра в бесконечность—я использую кровь, она регенерирует—я использую её снова. Нужен только доступ к Силе.

Но пока мой организм перестраивается под новый уровень, я буду, как сопливый аколит, пользоваться Магией Жестов. Но это такие мелочи. На фоне всего остального.

Если бы не встреча с Главой Ордена, до которой осталось меньше часа, я бы ещё посидела. Нестись по улицам почти без сил и с температурой—это перебор. Поэтому я ехала до дома Касситы на такой скорости, на которой раньше могла бы добраться с завязанными глазами. Она ждала на крыльце. Меня это тронуло. И то, как она меня обняла, —тоже.

Кассита взяла мои устало протянутые руки, и снова мир застыл: секунды перестали течь, в этой паузе замерли мысли и городские огни.

Обмениваться видениями, не говоря ни слова, —к этому можно привыкнуть. И к её понимающему взгляду. И к отсутствию комментариев. Сейчас она была просто идеальна.

—На повороте возле реки авария, —сказала Кассита, выпуская мои руки. —Доедешь до Кайроле на машине, а две станции на метро, а то не успеешь.

Какая удача—иметь подругу Эгерию. Но на этом моё везение кончилось, потому что Кассита облокотилась спиной на мою машину, сложила перед собой руки, уставилась на меня так, как только она умеет, и сказала:

—Значит, он тебя любит! Ты к нему вернёшься?

Я сказала: —Нет, —захлопывая двери и давя на педаль газа. —Он враг, —уже в открытое окно отскочившей от машины Кассите. —И спасибо за шарф.

Машины в пробке ползли огромным серым пятном перед глазами. Я с облегчением припарковалась возле метро, выгребла из бардачка деньги, наушники и айпод, которые хранила там как раз на такой случай.

Воздух подземки, охлаждённый и очищенный системой фильтров, всегда ассоциировался у меня с одиночеством. Я села с самого края, прижавшись лбом к поручням и вставила наушники в уши. Музыка заполнила голову мерным ритмом. Километры понеслись под колёсами. Моя жизнь—как

этот поезд. Несётся по запланированному маршруту: война, лёд, Кристиан и дальше, дальше, до следующей остановки.

Пять лет раз в полгода я провожу этот ритуал — терпеть Антонио в кофейне половину часа. Выглядит это так: глава фонда Сфорца встречается с Антонио Фиоро, одним из клиентов. Они обсуждают финансовые вопросы, просматривают счета. Никаких разговоров об Ордене — только цифры.

Антонио воротит от мысли отчитываться перед Волшебницей двадцати девяти лет от роду, даже несмотря на то, что она содержит его Орден. Меня — от мысли что-то ему объяснять.

Главой Ордена он стал случайно: когда убили Аццо д'Эсте, другого Архимага попросту не нашлось. Он вернул Орден в Викторианскую эпоху: свечи, камин и ни намёка на вай-фай. Он даже притворяется, что у нас нет компьютера и отправляет воронов с сообщениями. Наверное, в те времена Орден действительно был силен — и он надеется, что духи славного прошлого вдохнут силу в Орден снова.

Две тысячи лет Маги Ордена Огня и Воздуха регулярно убивали друг друга, но без особого рвения. До выхода книги Сильвио Ямони. Сестра Сильвио была Огненным Магом, и он хотел помочь ей справиться с Силой, сжигающей её. Ей и другим таким же, как она.

Он провёл экспедицию в пустыню Анагаву и написал книгу, из которой каждый смог узнать о том, что пробуждается в человеке, если его кровь содержит особое вещество—Ис-

тинную Кровь.

Он провёл параллель между родом дЭсте и первыми носителями Магии на Земле. Никто не усомнился—все видели на фото мегалитов из Анагавы их родовой знак. Слова из книги — «Пока жив хотя бы один носитель крови Давших Зарок, Магия Огня будет существовать на Земле» — стали спичкой, брошенной в пороховой склад. Кортес, глава Орде-на Воздуха, выбрал самый короткий путь к величию— уничтожил конкурентов. Всех, кого смог.

Двадцать пять лет назад Аццо остался последним человеком на Земле, у которого по венам текла кровь Давших Зарок. И она вся застыла на асфальте площади Санто-Стефано.

У Аццо было больше двадцати сыновей—каждый на голову превосходил любого из Магов. Они были его универсальными солдатами, его армией. Но из всех его детей выжила только я.

Зайдя в кофейню и сев у окна, я заказала два десерта, не очень веря, что всё это съем. Тут официанты носили красные шейные платки и белые рубашки. И умело скалили зубы при виде красивых женщин.

—Что будете пить, синьорина? —промурлыкал бариста.

—Леди, —поправила я его. Он споткнулся о мою холодность и титул, сложился в поклоне и переспросил совсем другим тоном:

—Что я могу предложить вам из напитков, Леди?

—Макиато без кофе и сахара.

Через минимальное время я получила горячее молоко, два ломтика панфорте и будино, обложенное таким количеством ягод и сливок, что десерта за ними практически не было видно.

По-настоящему из этого я хотела только молока. Кристиан угадал—я любила молоко. А на кофе была просто помещана. Но если я сейчас выпью кофе—еду придётся отложить до другого удобного случая.

За пять лет я изучила эту кофейню до мелочей. Если бы я умела рисовать, то смогла бы перенести её на лист по памяти, ничего не упустив. Деревянные столики и плетёные кресла с оранжевыми подушками. Барную стойку—дерево, медь, старину. Ровные ряды бутылок за спиной у бармена. Картины на стенах—на них город написан тёплыми размашистыми мазками.

У таких мест обычно много историй. Их я любила с детства. И считала настоящими волшебниками не тех, кто мог сплести Силу и Магию так, чтобы получился огненный шар, а тех, кто умел выплестать миры и судьбы из слов.

В детстве я думала, что истории зависят от места, где они происходят. Что в таких прекрасных дворцах, как Торрекьяра, живут только счастливые люди, а в побитых непогодой домах со скрипучими лестницами и пыльными шторами—брошенные дети, ненавидящие каждый новый день.

Маленькая девочка с улицы Матталето верила, что, изменив место вокруг себя—можно изменить жизнь. Что если

просто уйти оттуда, где тебе плохо, туда, на гору, где каждый вечер садится солнце, лаская крышу самого красивого дворца на свете, судьба, мягкая, как воск, поддастся наконец твоим детским ладошкам и изменится.

Что счастливые люди, живущие там, обязательно пригласят в гости, напоят тёплым молоком и, может быть, разрешат остаться. Но те, кто жил в этом прекрасном дворце, не любили гостей. В доказательство они держали доберманов.

Ценность некоторых историй в том, что они заканчиваются. История этой кофейни закончится для меня выпитой чашкой молока, малиной, выбранной из десерта, и тремя сотнями на чай, потому что у меня не было желания ждать счёт.

Антонио не пришел на встречу. Надеюсь, он умер. Ордену придётся самому оплатить его похороны, потому что я больше не дам ему ни цента.

Я почти угадала—Антонио был-таки на кладбище. На похоронах.

Из окна своей комнаты я видела толпу членов Ордена, стоящих среди мраморных надгробий. Кладбище в Аббатстве было настолько большим, что для удобства его разделили на части по сторонам света. Как город. И могло вместить ещё много поколений Огненных Магов.

Или всех ждёт общая ледяная могила.

С Земли уйти никто не сможет — их души связаны с этим миром до смерти. С собой я заберу только Линду. За неё

я готова заплатить любую цену. Потому что Линда мне как сестра. Не та сестра, которая могла бы вырасти со мной в приюте, а сестра из какой-нибудь другой жизни. Ничем не похожей на мою.

Линда была из хорошей семьи. Отец владел виноградной фермой в Кампании, прямо на склонах Везувия. Мать пекла нереально вкусные бискотти с фисташками и сушёной клюквой. Кроме рецептов домашней выпечки от неё Линда получила и ямочки на щеках.

Её родители не были богаты, не были Магами—Линда была первой Волшебницей в семье, и когда-нибудь она переживёт их на целую вечность, потому что тысяча лет для Магов—это ещё молодость. Но отец учил её кататься на велосипеде и сделал ей деревянный кукольный дом с почтовым ящиком размером с финик, а мама имела все шансы взять золото на конкурсе лучших матерей.

Линду я нашла на подоконнике в комнате Аэнтю, в любимой светло-жёлтой пижаме, что-то внимательно изучающую в телефоне. Волосы были влажными после душа.

Линда любила жизнь. Конечно, она не пошла на похороны Орсино, который её раздражал. Увидев меня, Линда спрыгнула с подоконника и через пару секунд уже обнимала так крепко, словно мы не виделись полвека.

—Кайла! Ты спасла мне жизнь!!

—Поверь, из самых эгоистичных побуждений.

—У тебя что, температура? —её прохладная ладонь легла

мне на лоб.

—Да, немного. Не волнуйся, скоро пройдет.

—А у меня есть прекрасная новость! — Линда схватила с подоконника свернутый в трубочку лист бумаги. —Помнишь мистера Гейта?

Я закатила глаза.

Как я могу его не помнить?

—Так вот, этот тип оставил заказ. —Линда помахала свернутым бланком у меня перед носом. —Срочный. Готов встретиться в любое время. Так что ты можешь перенести вашу встречу на сегодня.

Новость и правда была прекрасной.

—Позвони ему и скажи, что я встречу с ним через два часа, в Черезио 7.

Линда кивнула и набрала номер.

Линда из породы солнечных людей. Любит жёлтый. Не носит, что жизнь несправедлива. Много смеётся, по поводу и без. За какие заслуги она мне досталась?

—Он будет тебя ждать в половине девятого в ресторане.

—А что там за заказ?

—Уровень не ниже пятого, —сказала Линда. —Ты справишься.

Я снова закатила глаза.

Конечно, я справлюсь.

—Тебе нужно отдохнуть, —Линда старалась не подавать виду, что её беспокоит моё состояние. —Дать тебе соль для

ванны?

Я кивнула.

—Вот, кстати, твоя сумочка. И телефон.

—Побудь завтра в Ордене. Никуда не выходи, пока я не вернусь или не позвоню. Сможешь?

Линда кивнула.

—Конечно! Устрою себе релакс.

Я ей всё объясню, когда будут силы.

Когда я снова просеялась в поместье, Марджери вытирала пыль, аккуратно смахивала её метёлкой на пол. Ей хватило короткого взгляда, чтобы оценить моё состояние. Может, в такие моменты у неё в голове вспыхивает что-то вроде надписи «Леди в порядке», а в другие — «Леди идёт на дно»?

Сейчас она отметила моё состояние как нормальное. И не двинулась с места. Если будет что-то нужно — я позову.

Ванная в Торрекьяре была перестроена по моему желанию, и теперь у меня была возможность наслаждаться двухметровой мраморной чашей, встроенной в пол.

Залить соль очень горячей водой и часа полтора полежать без движения, освободив голову от мыслей — таким был мой план.

Глядя на мерцающие свечи через душистый пар, поднимающийся от воды, я потянулась и закинула руки за голову. И только в этот момент поняла, насколько устала. Только забравшись в ванну и вытянув наконец напряжённое тело, откинув голову на свёрнутое полотенце.

Выдохнув.

Значит, встреча сегодня. Сегодня — лучше, чем завтра.

Самым сложным оказалось не думать. Поэтому почти полтора часа я провела под знаком борьбы двух миров, один из которых упорно просачивался в другой.

В одном был Кристиан и война между нашими Орденами, в другом—мистер Гейт, как клещ, впившийся в мой медальон. Оба они путали мне планы. И даже сейчас бесили меня, не давая расслабиться.

Кончилось тем, что я изгнала все мысли из своей головы и запретила им возвращаться. Может быть, от этого, а может, от того, что меня наконец перестало знобить, но из ванны я вышла почти нормальной.

Лосьон впитался в кожу мгновенно, оставив легкий запах аликвий и блеск. Мои волосы после заморозки так и не вернулись к своему прежнему цвету, став чуть более светлыми, примерно, как у Магов Воздуха, но кожа осталась такой же золотистой. Склоняя голову то к правому, то к левому плечу, я изучала отражение под разными углами, пытаюсь понять, что во мне ещё изменилось.

Почему жизнь так сильно меняет меня внутри и почти никогда—снаружи? Почему не видно, что моя расплавленная болью душа при остывании обрела совершенно другой вид, подобно горам, изменённым застывшей лавой после извержения вулкана?

Не знаю, как Марджери определяет, когда со мной что-то

не в порядке.

Я выглядела так, как если бы самой большой сложностью в моей жизни был выбор сумочки или туфель. Кожа была нежно-бархатной, губы—яркими и влажными, волосы сильнее завились от влаги, а в глазах распахнулась безбрежная океанская ширь, способная поглотить без остатка все тревоги этого мира.

Может, это тоже часть моей Магии — выглядеть нормальной, когда внутри остались только пепел и цель?

Глава 4

Mannaz Человек. Личность. Самопознание.

Когда я вышла из дома, солнце совсем село. Взгляд упёрся в тёмные пики деревьев, едва различимые на фоне густой ночи. Глубокой ночи. Я была частью её —спокойной, безграничной темнотой.

Подняв голову жестом, давно ставшим привычкой, оставилась около машины. Я одержима небом. Особенно ночным. Знаю все названия светил Срединной Трети. Люблю вот так стоять, чтобы звёздные лучи касались моего лица, а ветер развеивал волосы. Не только на Земле. В любом из миров.

Из ресторана, куда я ехала, открывался потрясающий вид на ночной Милан. Поэтому там я и назначила встречу—чтобы смотреть на огни города, а не на этого долбанного лекционера.

По тому, как на меня оборачивались мужчины, каким взглядом провожали женщины, было件нятно, что выгляжу я роскошно. Тем лучше.

Красивой женщине сложнее отказать.

Кажется, я снова собрала свой образ до заморозки—чёрное платье, золотое бельё и туфли. Как говорится, на удачу. Повезло один раз, может, и второй получится. В том, что в первый раз мне повезло, я не сомневалась. Могла бы вообще

проснуться на кладбище или в море.

За спасение Кристиану я точно была благодарна.

Мистер Гейт был пунктуален и ждал меня. Пунктуальный сноб в дорожном костюме, с часами от Картье за полмиллиона, с наглым лицом знающего себе цену мачо. Беловолосый настолько, что вполне сошёл бы за Светлого Эльфа, если бы не уши. От таких просто тащатся Огненные Волшебницы. И, судя по взгляду, которым он на меня смотрел, к женщинам из нашего Ордена мистер Гейт был тоже равнодушен.

Ума в его взгляде не наблюдалось. Этот баран вполне может согласиться продать мне медальон.

Я опустилась на стул напротив.

—Мистер Гейт?

Мужчина кивнул. И тут в моей сумочке зазвонил телефон. Номер был неизвестен, но я знала, кто звонит. И хотя я решила, что моё сердце теперь будет холодным и сильным, только шрам на нём был слишком свежим, и говорить с ним сейчас—не вариант. Не снять трубку—ещё хуже. Не зря же говорят, что врагов нужно держать ближе, чем друзей.

Я сняла трубку и сидела молча, глядя на контуры небоскрёбов, на мягкие отсветы фонарей, на никогда не спящий город, сочащийся весельем и суетой.

—Я слышу, как ты дышишь, *ma belle*. —В его голосе была улыбка. Я даже могла представить, как он усмехается краем рта. Я потрогала уголок губ кончиком языка. Там, где Кристиан обычно прятал улыбку.

Ну почему у него такой голос?

—Ты в хлам сломала мне Заклятье, —голос стал жёстким.
—Я не знал, что ты такая плохая девочка, *ma belle*. — Теперь его голос, завораживающий, глубокий, слегка насмешливый, — стал мягче.

Как тогда.

—Но я готов тебя простить. Давай увидимся и поговорим.

—Мы враги. —Собственный голос показался мне обесцвеченным, лишённым каких-либо признаков жизни.

—Мы с тобой?

Он умел задавать вопросы.

Нет, не мы с тобой, Кристиан.

Те, кто были до нас.

Мой отец. Может быть, твой.

Наши предки, те, что породили нас и нашу вражду.

—Где ты сейчас? Я приеду.

Нет. Мы враги, Кристиан. Враги и точка.

Я нажала отбой и зажмурилась. Просто не хотела никого видеть сейчас. Никого и ничего. Закрытые глаза обожгло огнём, как если бы в них попал весь песок мира. Тяжело вздохнула, с трудом проталкивая воздух в лёгкие и сцепив пальцы перед собой. Не хватало ещё снова разучиться дышать.

Открыла глаза.

Сейчас я должна быть здесь и решать эту проблему, а не проваливаться в сожаление.

Хватит уже!

Мистер Гейт смотрел на меня, как ребёнок на сладкое. Кажется, он даже не слушал разговор. Просто сидел и обшаривал меня взглядом, пока я на него не смотрела. А теперь вдобавок протянул руку, чтобы прикоснуться к моей ладони.

Я отдёргнула свою — он напоминал мне мерзкого слизня.

Телефон зазвонил снова. Я нажала отбой и выключила его, хотя больше хотелось выкинуть.

—Проблемы, милая?

Нет, что ты, придурок, никаких проблем! А вот у тебя точно будут, если ещё раз назовёшь меня «милой». Лучшие больше так не делай и держи свои руки подальше!

—Я Боевой Маг Ордена Огня, а не милая. —Мой прищуренный взгляд заставляет его подобраться.

Он кивает. Смотрит уже не так уверенно.

—Что за заказ?

Мистер Гейт передвинул довольно плотную стопку листов на мою сторону.

Хотя дружба с Кидом не прошла для меня даром—Замбейцы брали всё, что плохо лежит, без зазрения совести, но всё-таки купить мне было как-то ближе, чем украсть. Поэтому я открыла папку, надеясь, что в ней найдётся повод перевести разговор на медальон.

Документ был контрактом для содержанки, ну или кого-то в этом роде. В большей части текста было описано, что получит Волшебница, если будет оказывать «услуги» мистеру Гейту.

Я оторвала взгляд от страниц и посмотрела на него, и, наверное, что-то очень недоброе вспыхнуло в моём лице, потому что губы мистера Гейта почти тряслись, когда он пытался оправдаться:

—Это не то, что ты подумала, малышка. Это не те услуги.

При слове «малышка» в свой адрес со мной случилась истерика.

Короткая, невидимая.

Бедняга мистер Гейт!

Сегодня точно был не его день!

У него остался один шанс: он отдаёт мне медальон, а я прощаю ему оплошность. И отпускаю с миром. Живого и неврежденного.

—Леди, и больше никак! Я герцогиня Сфорца и Боевой Маг, а не Огненная Волшебница, и ваш контракт для меня оскорбителен!

Я впервые была по-настоящему благодарна бывшему за титул.

—Это два. Если будет три...—я не стала заканчивать, позволяя ему самому додумать, что с ним случится, если он в третий раз прикоснётся к моим границам.

Мистер Гейт с этой задачей справился, потому что кивнул, сглотнул и встал. Поклонился. Низко, чуть не стукнувшись о стол.

—Я не мистер Гейт, Леди.

Я тоже встала:

—Что?

Наверное, он решил, что это и есть три, потому что начал заикаться и бормотать:

—Я работаю на мистера Гейта. Он не любит... у него проблемы с огнем... с женщинами из Ордена Огня. Он придёт... сейчас. Сам.

И сбежал. Даже не прощаясь.

Я снова села. Сложила на груди руки и принялась сверлить взглядом вход.

Долбанный мистер Гейт. Я его ещё и ждать должна?

Я ненавижу ждать. И всегда чувствую взгляд, направленный на меня.

Я повернулась к стулу, откуда только что сбежал липовый мистер Гейт.

Он сидел напротив, откинувшись на спинку и скрестив на груди руки. Широкий разворот плеч подчеркнут белой рубашкой, рукава небрежно закатаны. Ни часов, ни других статусных штучек.

Этот мужчина не был снобом. И точно не был мистером Гейтом—там, где он родился, фамилий не дают.

Первый не-мистер Гейт сказал, что у него проблемы с Огненными Волшебницами?

Конечно, у него с ними проблемы! Ни одна Огненная Волшебница такой экземпляра не пропустит.

Есть такая категория мужчин — он просто смотрит, а мир уже опускается перед ним на колени. Этот был как раз из

таких. Пока мы говорили с первым «не-мистером Гейтом», второй сидел где-то в зале, пил кофе и наблюдал. Примерно, как сейчас. Проникая взглядом сквозь мою кожу и подбираясь к самым потаённым глубинам моей души.

Ну нет! В моей душе тебе точно делать нечего!

Я сменила свою расслабленную позу на другую—тело собрано, ладони в замке перед собой, становясь снова недоступной для мира. Для него.

И встретила его прямой взгляд.

В нём было много решимости, воли, внутренней силы, но ещё больше холодной стали. И ещё что-то, на самом дне глаз. Я заглянула глубже. Прямо в смертельно-тихую бурю, кружащую воронку внутри ледяной радужки.

Бессмертный.

Твою ж мать! А я уже решила, что Проклятье потеряло силу, и удача снова на моей стороне!

Он почувствовал—я закрылась, подался вперёд, слегка повернул голову и потянул носом—хищники точно так же ловят в воздухе запах жертвы. Возможно, эмоции и мысли имеют свой запах или привкус; возможно, встретить он кого-то другого из Ордена, то смог бы определить, о чём думает его собеседник. Но не со мной. Меня даже мой Побратим с трудом читает.

Что Бессмертный делает на Земле? В этом мире столько ограничений, что они стараются обходить его стороной. И зачем ему такой контракт? Ему стоит бровью только пове-

сти—и любая Огненная Волшебница побежит за ним, как послушная собачонка.

Я разглядывала его лицо, словно вырезанное из пластов тени и света.

Можно ли назвать его красивым?

Думаю, нет.

Это всё равно что назвать красивыми Ветреные Горы. Это слишком мелкое слово для таких вещей.

Стараясь не смотреть пристально, скольжу по нему взглядом. По нему и по залу за ним. Но чаще по нему, потому что этот Бессмертный каким-то образом умудрился занять всё обозримое пространство.

Своей аурой. Своей силой.

Этот «не-мистер Гейт» с близкого расстояния вводил в настоящий гипноз. Всё в нём. Смуглая кожа. Резкие скулы. Разворот челюсти, сужающийся к подбородку. Прямой нос и жёсткая линия губ—сразу понятно, что эти губы не привыкли целовать. Скорее—отдавать приказы. Чёрные волосы коротко острижены, но у Бессмертных они растут с бешеной скоростью, и от движения головой несколько отросших прядей упали на глаза. Он немного откинул голову, смахивая их с лица.

Движение резкое, уверенное, словно он каждый день так делает — раз сто. Это не помогло, и он откинул волосы ладонью—таким же привычным движением.

Мой взгляд приковался к его руке, зарывшейся в волосы.

У него руки воина. Сильные. С длинными, крепкими пальцами. Кисти увивают крупные узлы вен. Наверное, он и сегодня охотился—у него уставший взгляд и тени под ледяными глазами.

К какой он принадлежит Расе? Я никогда раньше его не видела, и это было странно. Я знала всех Бессмертных, которые бывают на Эламрасе, центральном мире Срединной Трети. Именно там была сосредоточена вся торговля и можно было достать любой артефакт, любое зелье и вообще всё, что душа пожелает. Там же был весь игорный бизнес и все лучшие заведения. И дороги всех верующих тоже вели на Эламрас, который вместил в себя все центральные храмы Древних Богов: пятерых богов-братьев, Многоликого и Кетцалькоатля. Поэтому там бывал практически каждый Бессмертный.

Он снова отбросил волосы ладонью — они протекли между его пальцами и легли обратно. Мысль о том, что на ощупь они, должно быть, очень гладкие, удивила и разозлила. Наверное, это от того, что он похож на моего бывшего.

Медальон он мне не продаст. Во всяком случае, за деньги этого мира. Медальон—артефакт. Не знаю, зачем он ему нужен, но точно не для ролевых игр с Огненными Волшебницами. Бессмертные с артефактами расстаются крайне неохотно. А значит, возвращаемся к плану А.

Он явно был помешан на контроле — отклонение от плана злило его. Злил мой прямой взгляд, моё молчание, моё

отсутствия реакции на него. Он привык, что женщины растекаются от желания перед ним. Даже нанял этого слизняка, чтобы к нему не липли.

О его делах с Орденом я ничего не слышала, но он имел статус VIP. Скорее всего, сотрудничал с Огневиками ещё при жизни моего отца. Они даже могли быть знакомы.

Если бы я была сильна в дипломатии, то попробовала бы убедить его отдать мне медальон. Только дипломатия—это из другой истории.

Не про меня.

В своей жизни я научилась двум вещам: бей или беги. Бегаю я только от адклеоргов, потому что их убить невозможно. Эти чудовища сжирают миры и закусывают Боевыми Магами. От них бегать не стыдно. На всех остальных распространяется Право Сильнейшего.

Этому Бессмертному от Ордена нужны какие-то услуги, а мне от него — медальон. Медальон я и сама могу взять, поэтому... уважаемый «не-мистер Гейт», вам больше нужно, вам и начинать.

Я свободно откинулась на сиденье, примерно, как он и также скрестила руки, всем своим видом выражая готовность остаться в таком положении хоть до Конца Времен. У него столько свободного времени не было.

—Сайлас Гейт.

Акцент в голосе невозможно разобрать. А на протянутую руку невозможно не реагировать, настолько властный у него

взгляд.

Гейт. Ага, как же!

А вот имя может быть настоящим. Сайлас означает единицу. Один. Или первый.

Первый в роду. Первый в клане. Первый по жизни. Или один. Сам.

Мне в последнее время везёт, как утопленнице! Сначала Кристиан, теперь этот Бессмертный—оба из категории «я-сам-все-решаю». А я, как на зло, не люблю, когда на меня давят.

Поэтому, вставая и протягивая руку, пытаюсь не делать движений, означающих на языке жестов военное положение. Не нужен мне ещё один враг. Мне нужен медальон и пара глотков тишины, чтобы разобраться со своими мыслями.

У него крепкая рука. Под кожей чувствуется горячая кровь, а за прикосновением, сдержанным, коротким скрывается нежелание подставляться миру без особой необходимости. Так же, как у меня.

Как у моего Учителя.

Как существа определяют, что они одной породы? Кровь несёт в себе код. И, пересекаясь по пути, каждый к своему полюсу, встречные сканируют друг друга.

Сколько нужно времени, чтобы понять, что двое похожи? Хватило одной секунды. Одного удара сердца, чтобы рука его сжалась на моей, а глаза из серых сделались почти чёрными.

Стало так тихо, словно на земле рухнули все дома. Высохли все моря. Исчезло всё живое. И небо вот-вот упадёт, накрывая обломками Милан, площадь Дуомо, ресторан на крыше отеля, столик возле окна, покрытый белоснежной скатертью и нас двоих.

В груди стало почти аномально спокойно. Как будто сердце остановилось.

Я почувствовала, как кожа покрывается мягкими мурашками, как поднимаются крохотные волоски на шее.

А потом город вернулся. Вернулся лёгкий бриз. Вернулся дым. Улицы. Шум зала, смех, звон посуды, запах тумана и спелых солнечных фруктов из-за соседнего столика, где пили просекко и аперитивы. Город вернулся. Только теперь он был другим.

Иногда случается нечто, после чего ты совершенно не узнаешь окружающий мир. Он вроде бы остался прежним, но линии горизонта изменились. Луна светит иначе. Ночь другого оттенка.

Не на самом деле.

Но кажется, что мир стал другим. Может, не только для меня, но и для него—на лице его застыло выражение, которое я не смогла прочесть. Он тоже что-то почувствовал.

И это ему не нравилось—во взгляде снова лёд, челюсти сведены почти до судороги. Теперь он не похож на спокойного и рассудительного делового человека, написавшего мне два десятка образцово вежливых отказов, скорее на едва се-

бя контролирующего дикаря, способного на всё.

Такого врага я ни за что не хотела бы иметь.

—Леди Кайла Строцци, герцогиня Сфорца —убираю руку максимально медленно, чтобы это не выглядело бегством.

—Строцци? Так ты Ифрита? —удивление полирует власть в голосе, доводя до состояния мягкого бархата.

Знает ифритские родословные? Ну, мне это ничем не грозит. Рад Строцци закончился на Аламаде, моей фиктивной матери. Она была одной из любовниц отца—в память об этом мне остались закладные на поместье в Абруццо, недалеко от города Л'Акуила. Поместье я выкупила, хотя жить там не собиралась. У меня на него были другие планы. Только Торио знает, что я Строцци не больше, чем этот Бессмертный—мистер Гейт.

—Ты не похожа на Ифриту. Я хотел бы увидеть твой родовой знак.

Да пожалуйста!

Я сложила пальцы Знаком Ирден, накидывая Морок на наш столик и потом, изо всех сил надеясь, что могу контролировать мою Силу, которая из-за Кристиана вышла за Предел, сплела знак Игни, направляя поток Магии в Заклятье и выпуская в воздух руну рода Строцци.

Этот момент был первым в моей жизни, когда я волновалась, плетя Заклятье.

И первым таким, когда на меня с таким удивлением смотрят и так явно не доверяют. Так абсолютно недоумевают. У

него был вид человека, которому подсунули вместо опытного Мага совсем зелёного новичка, и он не понимает, с кого за это спросить.

—У меня уровень изменился, — поясняю я коротко. Да, на Задания обычно не посылают тех, кто ещё не закрепился в новом уровне. Но он, наверное, в курсе, что у нас в Ордене проблемы с Магами?

—И какой у тебя уровень? — прищуривается Бессмертный.

—В заказе указан пятый. Пятый у меня уже есть.

—Давно?

Вместо ответа киваю. Он ожидал другого—снова вижу сжимающиеся губы и напряжённые челюсти. В его картине мира отвечать должны не так. Не хватает виляющего хвоста и ждущего взгляда: что мой Господин желает узнать?

Он ещё не понял, что мы — как искра и бензин. Нам нельзя, невозможно, даже близко друг к другу приближаться. Иначе вспышка и смерть всему живому. Или как плюс к плюсу—тоже взрыв. Он «мистер-склонись-и-покорись», а меня учили убивать и за меньшее.

А ещё учили пускать пыль в глаза и выглядеть не той, кто я есть— всю мою жизнь. Поэтому улыбаюсь обворожительно и встаю.

Я—милая, я—безопасна... О, мистер, мне так неловко, что приходится выйти...

Для полноты образа мну салфетку в руках.

—Мне нужно выйти... позвонить, до обсуждения заказа.
Жду.

Поведется или нет?

Он кивает—во взгляде нет даже намёка на вопрос. Значит, он точно слышал наш с Кристианом разговор.

Улыбаюсь снова. На этот раз благодарно.

Прощайте, мистер Гейт! Надеюсь, мы больше не увидимся!

Глава 5

Nauthiz Ограничения. Борьба. Урок.

В лифте стягиваю кольцо и через долгую секунду, сняв туфли и зацепив их пальцем за ремешок, осторожно спрыгиваю на пол его балкона.

Мне кажется, или дверь в комнату открыта?

О, Мистер Гейт, да вы просто душка! Оставили мне открытую дверь!

Нужно действовать быстро. И осторожно. Надеваю кольцо. Оставляю вещи на полу. Замираю в проёме двери, вспоминая план квартиры. Делаю шаг в комнату, медленно окунаясь в прохладную темноту, давая время зрению привыкнуть.

Слева должен быть сейф или тайник. На стене виден тёмный контур огромной картины. Света слишком мало, чтобы рассмотреть детали — на полотне проступают только тени.

Складываю Заклятье Поиска, готовлюсь вытолкнуть его из сознания знаком Игни—даже это ощущение потерялось в памяти, настолько давно я не пользовалась Жестовой Магией. А потом в комнате вспыхивает свет, и я спотыкаюсь о взгляд мистера Гейта, набитый колким льдом под завязку.

Иногда бывают дни, которые действительно пытаются тебя уничтожить—сегодня, кажется, как раз один из таких. Что бы я ни делала, это только топит меня, топит и всё. Выс-

шие Силы просто швыряют меня в такие дни в какое-нибудь местечко поглубже, например, в Марианскую впадину, привязав гранитную плиту к ногам, и: плыви, Кайла! Удачи, Кайла! Счастливо оставаться!

А я не плыву, а тону, как все нормальные люди с плитой, привязанной к ногам. Глотаю остатки воздуха...

Нужно быть готовой ко всему — разве не эти слова вспыхивают в мозгу, когда меня в очередной раз как следует прикладывает об реальность?

— Сюрприз! — моя улыбка настолько сладкая, что ей можно заменять сахар. — Я решила познакомиться с тобой поближе, пока ещё не поставила подпись под контрактом.

Главная моя проблема—кольцо. Оно блокирует мою Магию. С ним я не могу просеиваться, а без него—не выгляжу, как человек.

У Сайласа Гейта таких проблем нет—он просеивается ко мне, дистанция в десяток шагов умирает в секунду.

Реакция у него—сто из ста.

Пальцы смыкаются на моих запястьях, не давая сделать Знак и сжечь эту комнату и этого Бессмертного, мешающего моим планам.

Какой я после этого Боевой Маг?

Сегодня—никакой. Боевые Маги не пользуются Жестовой Магией.

Меня накрывает животная злость и чувство полного, тотального бессилия. Мы с размаху впечатываемся в кровать—

я снизу, наполовину придавленная его телом. Он весит, наверное, не меньше, чем гранитная плита, тянущая меня на дно. Я даже не пытаюсь плыть—просто смотрю на солнце сквозь отдаляющуюся поверхность воды и ухожу спиной ко дну, когда оба мои запястья оказываются зажаты его рукой и закинута за голову.

Прохлада комнаты исчезает, сгорает в тепле его кожи. Он вглядывается внутрь моих радужек так, будто способен рассмотреть на дне цепочки мыслей.

Как будто у меня в голове сейчас есть какие-то мысли... а не звуки колотящегося об черепную коробку набата.

Ему достаточно одной руки, чтобы сжимать обе мои. Взгляд неожиданно опускается на мои губы. Я могла бы решить, что он сейчас меня поцелует, если бы не лед в его взгляде. Никто не целует женщин с таким взглядом. С таким взглядом берут, не спрашивая имени, не различая лица, но не целуют.

Он и не целует, просто касается свободной рукой моего подбородка и сильнее вглядывается в лицо. Пытается что-то увидеть, понять, рассмотреть.

Уверена, женщины не раз приходили к нему с таким предложением—но никогда со взглядом свободного зверя, застрявшего в капкане.

Пытаюсь выдавить из себя желание—он красивый мужчина, а я женщина, Огненный Маг, в конце концов, но какое может быть желание, если из инстинктов только—вцепить-

ся в горло и сбежать, оставив за спиной истекающее кровью тело.

Чужой запах обжигает слизистую. Раздражает. Этот запах в моем пространстве лишний, как ацклеорг, шатающийся по Милану и сбивающий фонари. Я закрыта настолько, насколько это возможно, потому что не хочу впускать в себя происходящее.

Представь, Кайла, что ты хочешь этого Бессмертного так сильно, что явилась к нему в квартиру, чтобы оказаться с ним в постели. Что тебе нужно тепло его ласкающих ладоней, что ты мечтаешь вдыхать его запах, что надеешься увидеть в его ледяных радужках что-то, хотя бы отдаленно похожее на страсть.

Пробую почувствовать его через свою невидимую броню. Твердые мышцы его бедра, прижимающего меня к кровати, впалый пресс—он весь выточен из камня. Нагретого солнцем камня—тепло его тела передается даже через одежду.

Смотрю ему в лицо. Глубокие тени бархатом ложатся на скулы. Недостаток света придает царственный вид его красоте. Изваяния Древних Властителей должны являть миру такие лица. Когда он не сжимает губы, у них резкий, но чувственный изгиб. Верхняя больше нижней, в глаза сразу бросается острая ложбинка. Такие губы бывают у гениев и тех, кто любит риск и терпеть не может ограничений.

Как я.

Мы оба однозначно существа одного вида.

Это плохо.

Сдаваться или отступать не входит в наши правила. Из хороших новостей—мир больше не пропадает с радаров, когда мы прикасаемся друг к другу.

Я медленно втягиваю воздух вокруг.

Сила. Секс. Опасность.

Вот чем он пахнет. Вдыхаю глубже, позволяю запаху окутать себя, затянуть в давящий грозовой циклон. Впускаю внутрь, исследую, разбираю на атомы.

Кроме запаха горячего тела есть другой. Так пахнет вечер, когда наверху появляются первые прозрачные звезды. Или ночной дождь. Капли бьют по лицу, и кажется, если запрокинуть голову, можно задохнуться. Так может пахнуть пугающая пропасть, несущаяся навстречу, когда адреналиновые мурашки бегут по всему телу.

Я не думаю, что могу хотеть его. Но мое тело знает. Желание живет в крови, оно подчиняет тело, минуя разум. Чистая химия. Кровоток доставляет её в те скрытые уголки, где существует нечто, что откликается на него.

Я могла бы хотеть чувствовать эти жёсткие, подчиняющие губы. Позволить им сминать мои.

Сильно.

Властно.

Он в момент считывает мое новое состояние—пальцы соскальзывают с подбородка, спускаются по шее в медленной ласке. Тело отвечает ускоряющимся пульсом и расплзаю-

щимся из-под его руки теплом.

Отлично! Сейчас главное — не думать. Довериться потоку — пусть течение вынесет меня само.

Расслабляюсь.

Выгибаюсь навстречу его руке.

—Зачем ты пришла? —в вопросе сталью звенит приказ, который невозможно послушаться—Магия Подчинения.

Этот Бессмертный владеет Магией Подчинения? Да кто он вообще такой?!

Удар Силы сглатывается моей Магией без остатка. Чуть не фыркаю — мой Побратим и не такие устраивал мозговые штурмы, стоило мне просочиться за границу его терпения.

—Хотела узнать тебя поближе, —желание спускает мой голос до жаркого шепота.

Он удивлен и... всё равно, почти верит. Почти попался. Логика и опыт говорят ему, что я не та, кто может так сделать, а мужское Эго нашёптывает: и эта послушно легла к твоим ногам.

Ну же, давай, выпусти мои руки...

Он не выпускает. Хотя слегка ослабляет хватку. Ладонь соскальзывает ниже, проходит по ткани платья, мягко сжимает грудь. Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

Бессмертный, ну что с него взять! Уверена, собирает-ся меня прикончить, но не прочь воспользоваться случаем и немного развлечься.

Рука проходит по окружности, вычерчивая горячие кон-

туры подушечками пальцев, пробуя и сжимает сильнее, теперь жадно, уже для себя, а не для проверки.

Сукин ты сын! Сейчас я тебе устрою проверку!

Пытаюсь достать свою Магию через кольцо. Прижимаюсь к нему всем телом, от чего его рука еще плотнее обхватывает мою грудь, выгибаю спину почти до хруста и тянусь к его лицу.

Теперь мы настолько близко, что я чувствую, как напряжены все мускулы под тканью его одежды, запах ночного дождя щекочет мои ноздри. Он застывает, позволяя мне занырнуть в его личное пространство и наклоняет голову.

Если бы я сейчас захотела его поцеловать, он бы позволил.

Касаюсь его кожи теплым дыханием, скольжу губами вдоль резко очерченной скулы.

Достать Магию не выходит, только голос.

Голос, который шепчет, заползая под кожу, выворачивая изнутри самые тайные, неконтролируемые желания. Вплавляется в сердце, скручивает сладкой, бесконечной судорогой. Остается в голове, как будто всегда там был: отпусти меня.

Он вздрагивает.

Что, никто не пробовал тебя очаровать до меня? Ну, значит, ты скучно живешь!

Медленно обводит взглядом моё лицо, как будто до этого его ни разу не видел.

—Ты красивая... Кайла.

Произносит моё имя так, словно гладит его языком, слегка прикасается зубами, а потом позволяет выскользнуть.

От этого тело взрывается дрожью, я чувствую жаркую, очень знакомую тяжесть внутри, снова покрываюсь мягкими мурашками, как тогда, в зале. Мысли выметаются из головы вместе со здравым смыслом.

Что? Просто красивая и всё?! Я не могу его очаровать? И что это происходит со мной? Я в самом деле его хочу? После заморозки во мне что-то сломалось, и я стала Огненной Волишебницей, готовой прыгнуть в постель к первому встречному красавчику?

Да лучше бы я осталась на той площади!

Он медлит. Как бы раздумывает — вижу, что он очень близко к пределу, за которым весь его самоконтроль улетучивается к чертям. Не шевелюсь, даже не дышу — скорее всего, моё лицо сейчас похоже на застывшую маску, потому что стоит его сейчас подтолкнуть, и он слетит с катушек. Слишком хорошо знаю у Бессмертных такой взгляд, слишком хорошо помню, что бывает потом...

Его взгляд в расфокусе — он прокручивает в голове варианты развития событий. Моё застывшее лицо заставляет его вернуться, зрачки сжимаются, фиксируя взгляд на мне — его отпускают образы и мысли.

С опозданием понимаю — я же привыкла ходить по краю. Адреналин давно вписан в привычную формулу моей крови. А он пахнет опасностью — вот причина реакции на него. Всё

просто.

Он всё-таки решает продолжить—ладонь скользит по животу, а потом, как будто из режима стоп-кадра нас перекидывает в режим перемотки, задирает платье почти до груди и смотрит, вылизывает взглядом каждый сантиметр открытой кожи — живот, бедра, проходит по всей длине ног и обратно, к тонкому кружеву, а бровь от удивления ползёт вверх.

—Носишь эльфийское бельё?

Я пожимаю плечами, насколько это возможно в моём положении. Да, ношу, ну и что тут такого? Мне нравится его мягкость.

—Мне тоже нравится эльфийское.

Рука ложится на тонкую ткань, обжигая под ней кожу, а в моей голове с кристальной ясностью вспыхивает—я не просто не хочу его сейчас, я буду царапаться и кусаться, как обезумевшая кошка, если он посмеет хоть немного дальше зайти. И точно убью его потом.

Ноги сжимаются сами, ещё до того, как моя разумная часть успевает заикнуться, что это как-то не вяжется с легендой, где я его хочу.

—Раздвинь ноги, —Магия Подчинения впечатывается в меня с силой реактивной торпеды. Концентрация воли, нужная для такого ментального тарана, заслуживает уважения.

Но вот незадача, мистер Гейт — на меня это не действует!

Когда у пространства на тебя есть планы, не совпадающие с твоими, ты учишься устойчивости в первую очередь. Меня

уже ломали до тебя. Ломали, ломали и не сломали. А сделали сильнее, что бы об этом ни думали Продавцы Зелий.

Надеяться можно только на себя. Как бы я проглотила сейчас, например, защиту от Подчинения? Если у меня руки выше макушки?

Сжимаю ноги сильнее, кидаю на него хмурый взгляд.

—Ты устойчива к Магии Подчинения? —это не вопрос, хотя он есть в конце фразы.

В его глазах самодовольство—он сделал предположение и попал в яблочко.

Да, устойчива! Моя жизнь была щедра на трудности — я даже научилась узнавать их приближение. Проблемы, как и знаки Пути выдают бензиновые пятна перед глазами.

Самая большая проблема у меня с самоконтролем. У него, видимо, тоже, поэтому он стягивает платье обратно, но руку не убирает, продолжает ласкать поверх одежды, а взгляд повторяет движение. То ли его догнало Очарование, то ли это действительно гипнотизирует его—подушечки пальцев вычерчивают на ткани какие-то невидимые рисунки.

Взгляд на секунду останавливается на моих губах, а потом сползает ниже, туда, где бьется жилка пульса. Он наклоняет голову, втягивает носом запах моего тела. Горячее дыхание обжигает шею и выступающие косточки ключиц. Горячее дыхание пахнет ночным дождем. Глаза светлые, напоминающие Эверклир, самый крепкий напиток в этом мире—в нем 95 градусов. Пальцы снова на подбородке—во взгля-

де что-то горячее настолько, что самое разумное сейчас—отвернуться.

Спрашивает хрипло, будто у самого себя:

—Откуда ты взялась такая, а?

Его голос пробирает меня до самого спинного мозга, в голове вспыхивает и начинает истерично мигать тревожная лампочка. Откуда я взялась—вообще его не касается! Мне отсюда нужно срочно исчезать! Что бы не крутилось у него там в голове — его догнало Очарование, но не так, как я рассчитывала. Эта Магия должна была подчинить его волю и заставить делать то, что я скажу—с самой счастливой улыбкой на лице. Но она только вызвала в нём желание.

Но всё меняется в одно мгновение: глаза его темнеют, и появляется давящий на сознание запах грозы. И он обострется, потому что злость начинает медленно закипать в каждой его вене — он понял.

Быть готовой ко всему—это когда ты не издаешь ни звука и даже не моргаешь, когда в спину упирается деревянный столбик, держащий балдахин, а руки за спиной стягивает шнурок. Просто разглядываешь с любопытством рисунков на ткани и думаешь: ну что за народ эти Бессмертные? Почему нельзя спать на обычной кровати? Зачем тащить из какого-то мира для себя такое ложе?

Многokrатно повторяющийся герб на золотом фоне материи ничего мне не напоминает—просто слияние букв, вписанных одна в другую так, что разобрать невозможно.

Может, он и меч на стену над кроватью вешает, как Ни-
мирийцы?

Меча над кроватью не оказалось. А вот картина на стене
меня поразила. Я перевела взгляд на Сайласа, который все
это время, пока я разглядывала его комнату, стоял напротив,
скрестив на груди руки.

Это явно был подлинник—он не похож на того, кто купит
подделку. Какая степень нормальности у того, кто повесит
такое в спальне? Автор сошел с ума, когда писал её. Сайлас
Гейт за ней хранит артефакты. Я думала, она в музее. А еще
я думала, что сегодня мне повезет...

Ничего не бывает таким простым, каким кажется вначале.
Открытая дверь, какая удача... Я мысленно выругалась.
Как можно было так попасться?

Когда планка уровней упирается тебе в макушку уже
столько лет, что ты даже не помнишь, каково это—не быть
Архимагом, как-то забывается, что нужно проверять на За-
щитные Заклятья все места, куда ты попадаешь.

Обычно это не нужно, Сила дрожит в воздухе. Чья-то воля
выстраивает из неё барьер. А ты идешь вперед, на автомате
выбрасывая Заклятье Щита. И если ты сильнее, чем тот, кто
сплел защиту, ты—невидимка.

Сегодня моя проблема в том, что обычно я сильнее. В том,
что я забыла, что сегодня я должна подталкивать свои За-
клятья Знаками, чтобы они не зависали на краю моего со-
знания. Может, он не в курсе, что за картина у него на стене?

—Это Демон Поверженный? —смотрю на него с вопросом.

Ему всё равно, как ты на него смотришь. У него есть свой план. А у тебя есть место в его плане.

Сайлас Гейт подходит к картине, проводя рукой — полотенно отъезжает в сторону, открывая сейф. Нужно запомнить—двери не закрывают те, кто хранит артефакты в обсидиановых сармакских сейфах. Чтобы его открыть, нужно Заклятье, равное по мощности атомной бомбе. Ему проще—он набирает комбинацию символов.

—Почему именно эта картина?

Сайлас поворачивает голову и смотрит на меня. Я хорошо знаю этот взгляд. Он называется «не твоё дело». Я давно научилась отличать «не твоё дело—отвали» от «не лезь в это, пока я тебе голову не свернул».

Учитель был мастером таких взглядов. Сайлас Гейт — тоже.

С моего места виден небольшой кованый сундук и походная статуэтка Многоликого. Сайлас достаёт что-то, лежащее за сундуком, сдвигая его почти в самый угол сейфа.

—Ты веришь в Многоликого? —спрашиваю я. Любопытство — ещё один пункт в списке моих проблем. Если бы я получала кварт за каждый раз, когда влипала из-за него... То ими можно было бы засыпать кратер на месте падения Луны. То, что я ещё жива, можно считать чудом.

В ответ я получаю короткий взгляд через плечо—угроза в

нем такая явная, что сразу становится ясно: этот Бессмертный не позволит мне и слова сказать против его Бога. Сразу свернет мне голову.

—Верю.

—Я тоже верю в Многоликого. —Это, пожалуй, единственные мои успехи в дипломатии за долгое время.

—На Земле не поклоняются Многоликому. —Сайлас поворачивается и снова складывает руки на груди.

Я в ответ киваю.

—Да, на Земле запрещены культы Древних Богов. Но никто не может запретить верить.

Опираюсь затылком на столбик, расправляю плечи, наконец, находя удобное положение, и в этот момент понимаю две вещи. Первое: он меня не убьет.

И второе: дипломатия не такая уж и сложная вещь. Не сложнее охоты. Мне не приходится целиться, когда я стреляю. Не нужно проверять, попала ли. Достаточно ветра, рвущегося навстречу ладони. Достаточно звука стрелы, бьющей в живое.

Он мог бы прихлопнуть воришку, забравшуюся в его квартиру, но не единоверца — вера объединяет.

Кажется, что внутри него медленно стихает шторм. В комнате как будто становится больше места. Хотя воздух по-прежнему заряжен, словно под потолком парит грозовая туча. Мысленно возношу хвалу Многоликому, потому что смерть, уже потиравшая руки за моей спиной, делает шаг на-

зад. Что-то, лежащее в его ладони, возвращается в сейф.

Так можно и снова поверить в Удачу!

Он проходит вдоль комнаты, к дверям. Движения слишком убаюкивающе-спокойные. Возле выхода останавливается, клеит на лицо улыбку. Взгляд означает что-то вроде: «не волнуйся, детка. Это нормально, что я тебя к столбику привязал. Не подумай ничего такого».

Спрашивает:

—Ты белое вино пьёшь?

Получив от меня короткий кивок, Бессмертный исчезает за дверью, но через минуту возвращается. В руках — бутылка вина и один бокал. Я не шевелюсь, наблюдаю за ним. Когда он достаёт из сейфа кубок, в мыслях остается только одно:

Твою ж мать!

Она настолько чёткая, что на секунду кажется, будто я произнесла её вслух.

Бессмертный ставит бокал и кубок на стол. Вынимает пробку из бутылки с едва слышным щелчком. Наливает сначала в бокал. Вино выглядит идеально. Стекло бокала кристально чистое, напиток искрится на свету. Я бы не отказалась сделать глоток. Из бокала. Но мне он наливает в кубок.

—Выпьем, познакомимся поближе. —Голос намеренно мягкий. Как шёлк, когда обвивается вокруг шеи, собираясь стать петлёй.

Похоже, он считает меня идиоткой. Качаю головой:

—Я не могу из него пить. У меня аллергия.

Он с сомнением оглядывает меня и артефакт в своих руках.

—Аллергия. На что?

—На медь. —Нотка презрения выдает меня с головой.

—Узнала, значит. —Бессмертный улыбается углом рта. В улыбке нет ничего доброго. В глазах снова арктическая зима.

Отстойный план, мистер Гейт!

Сделать вид, что у тебя в доме только один бокал и налить мне вина в Нистагийский кубок? Чтобы я через минуту выложила тебе всю правду? Да эти кубки все знают, от самого края Срединной Трети до Чантарской границы — хотя их немного осталось. Четыре изумруда и миртовые ветви на кубке —это точно повод отказаться от выпивки, если в планы не входит излагать истину, пока не кончится действие Магии.

Его взгляд прикован к моему лицу, к сжатым губам. Не нужно читать мысли, чтобы понять, о чем он думает сейчас. Почти физически ощущаю жесткие пальцы, раскрывающие мне рот и кромку кубка, вдавливающегося в губы, ударяющегося об зубы. Чувствую вкус крови на разбитых губах—теплой и липкой, эта кровь оставляет на языке привкус металла. Он смотрит на меня, понимая, что я буду сопротивляться—ему не нравится об этом думать. И меняет решение. Думает, что то, что он делает потом—меньшее зло.

А я просто молчу, чувствуя, что меня сейчас снова как

следует приложить о реальность.

Молчу, когда он открывает дверь в соседнюю комнату. Когда отвязывает веревку. Молчу, когда заводит в ванную, огромную—пол и стены из полированного гранита, керамическая чаша ванной в самом центре комнаты. Это помещение в серых, черных и белых тонах могло бы казаться бесцветным, если бы не город за окнами, полный огней.

Смотрю на небоскребы, стараясь не замечать, как он ставит кубок на дно ванны и открывает воду. Свет не включает. Бессмертные ночью видят лучше людей. Если бы он смотрел на меня, то по моему безумному взгляду понял бы все.

Но сейчас его внимание сосредоточено на том, как вода в ванной подбирается к границе.

Текущая вода и отсутствие света заставляют мой мозг собирать память по кадрам. Даже сейчас, пока я сижу на стуле со связанными руками за спиной, мне трудно бороться с клаустрофобическим воспоминанием, которое, как прилив, накатывает на меня всё более высокими волнами.

Темнота.

Первое, что осталось в моей памяти.

Мне было темно и холодно. И ещё мне было страшно. А потом... потом я увидела солнце сквозь воду. Оно было таким большим и таким ярким. Мне показалось, что, если только я до него дотянусь, оно прогонит темноту.

А вместе с темнотой уйдёт и мой страх.

Я протянула к нему руку. И вспомнила.

Всё.

Вспомнила, почему я там оказалась. И поняла, что никогда до него не дотянусь.

Тогда я первый раз почувствовала эту плиту, тянущую меня на дно.

Ужас наполнил моё тело. Моё сердце. И мою душу.

Я тонула.

Даже не делая попыток спастись.

Моё солнце слишком далеко. А без него я никогда не всплыву со дна. Мне незачем было больше жить.

И теперь, каждый раз, когда вода смыкается над моей головой, я чувствую то же самое.

Нет воздуха. Нет надежды.

Он не знает, что я боюсь утонуть. Что погрузить голову под воду или даже просто надолго опустить в неё лицо, без возможности глотнуть воздуха—для меня один из худших кошмаров. И у меня нет способов успокоиться. Унять страх, который пробирается прямо в позвоночник, сочится в рёбра и дрожью сжимает сердце, заставляя его колотиться о грудную клетку. Успокоиться сейчас для меня примерно то же, что уснуть в камере пыток.

Он не знает. Просто считает меня опасной. И идёт самым коротким путём. Если опустить мою голову под воду, то я точно рано или поздно глотну. Не нужно разжимать мне рот. Не нужно лишний раз ко мне прикасаться. Может, и я сделала бы так же.

Кто мог знать, чего я боюсь?

Перед тем, как поставить меня на колени возле ванной, Сайлас складывает большое полотенце вчетверо и кладёт на пол.

Когда он поднимает меня со стула, я—безвольная кукла, едва держащаяся на ногах.

—Посмотри на меня, —приказывает он, и я вскидываю голову, сталкиваясь с его глазами, радужка которых залита льдом.

—Ты можешь выпить сама.

Нет. Я не могу. Он не понимает. Выпить самой—значит сдаться. А позволить ему меня топить—открыть дорогу страху, надёжно спрятанному на дне моего рассудка.

Сдаться я не могу.

Опускаясь на колени, не чувствую вообще ничего. Воздух давно превратился в густой кисель. Звуков нет. Ни шума, ни нашего дыхания. По ощущениям, над нами километры воды, и от давления заложило уши.

Я на коленях, он—за мной, собирает волосы и наматывает их на кулак. Делает это медленно. Или даёт ещё мне время подумать. Или вертит в голове другие образы. И скорее всего не те, где он меня топит. Пальцы задевают кожу на шее. Я вздрагиваю. Но ничего не чувствую—страх выморозил внутри всё начисто.

Когда вода прикасается к моему лицу, я начинаю дрожать, и он практически сразу выдергивает меня из неё. Отпуска-

ет волосы. Заглядывает в лицо. Внимательный взгляд проходит по сжатым губам и задерживается на глазах. Если он когда-нибудь видел страх, то точно различит его внутри.

Или так выглядит безумие?

—Просто глотни, —цедит сквозь зубы.

Я не отвечаю. Тут меня уже нет, я там, на заднем дворе приюта на улице Матталето.

Второй раз он делает так же. Только теперь я чувствую. Сильные пальцы на затылке, удерживающие меня под поверхностью воды. Ограничивающие движение.

Чужую власть надо мной.

И это выкидывает меня из глубины. Заставляет прийти в себя. Заставляет выгнуть спину, откинуть голову. Заставляет бороться.

И тогда он топит меня по-настоящему. Спокойно и беспощадно. А я сопротивляюсь по-настоящему—утонуть не входит в мои планы.

В общем, всё началось так, как и начинается большинство историй в моей жизни—не происходит ничего особенного. В этот раз я просто глотнула немного воды.

Когда он меня вытащил, мокрую и злую, я была в полной боевой готовности. И несмотря на ярость, курсирующую по моему организму вместе с кровотоком, я была довольна. Потому что не отключилась, как в прошлые разы, и теперь утонуть я боялась меньше.

На какую-нибудь долбанную йоту.

Пока я стараюсь надышаться, он усаживает меня обратно на стул, завернув в халат, мокрые волосы кладёт сверху ткани, набрасывает капюшон на голову. Сегодня какой-то День Чужих Вещей.

Сначала Кристиан одел меня в ночную рубашку, потом Марджери в халат моего бывшего, теперь этот Бессмертный—в свой. Помимо воли втягиваю носом его запах—дождя в полупрозрачных сумерках и густой смеси секса и пугающей пропасти, уходящей из-под ног.

—Ты выпила?

Киваю. Обвожу взглядом его широкие плечи, обтянутые мокрой тканью. Рукава подкатаны так, что хорошо видно, как крупные вены, поднимающиеся от костяшек вверх, уви-вают предплечья и прячутся под ткань. Огни города вливаются в комнату сквозь панораму окон. Ночной свет ложится на него живыми бликами, и кажется — он сам сделан из того же пульсирующего света, что и этот город.

Он красивый. Сильный. Безжалостный. Как молния, готовая лизнуть этот мир.

Мне как раз такой и нужен.

Враг.

Потому что любой, кто посмеет так со мной поступить—враг.

Резко, коротким рывком скидываю с головы капюшон и объявляю на языке тела военное положение. Язык жестов мне родной.

Он отвечает тем же. Нет больше спокойного и рассудительного мистера Гейта, а есть несущий смерть мужчина, готовый изодрать зубами того, кто встанет на пути. Перегрызть глотку.

Но это только секунда.

Потому что потом он складывает руки на груди и усмехается, слегка запрокидывая голову. Он не считает, что мы с ним в одной категории.

Его ждёт разочарование.

Пока я раздумываю над способом стянуть верёвку, он переходит к допросу.

—Как ты сюда попала?

—Просеялась.

—Так ты Архимаг? —Бессмертный даже не пытается скрыть удивление.

Киваю.

—Как твоё имя?

—Леди Кайла Строщи, Герцогиня Сфорца. Могу показать родовой знак.

В его глазах вспыхивает откровенная насмешка. Чтобы показать знак, мне понадобятся свободные руки, а развязывать меня он пока не собирается.

—Кто ты?

—Боевой Маг Ордена Огня.

Теперь он смотрит на меня с любопытством. Считает, наверное, что Боевые Маги выглядят иначе. И совсем не умеет

задавать вопросы.

Магия Кубка расползается по телу. Скоро дойдёт до сердца. А потом моя Магия её нейтрализует. Просто нужно потянуть время.

—Зачем ты пришла?

Я могу говорить только правду. Но правда—такая скользкая вещь...

—Хотела забрать кое-что.

—У меня в квартире?

Киваю. А он зло сощуривает глаза.

—Что это?

—То, что не должно быть у тебя.

—Что конкретно?

Отвечаю:

—Артефакт.

Такой размазанный ответ бесит его, потому что следующий вопрос он почти рычит:

—Как он называется?

—Медальон Верховного Мага Ордена Огня.

—Так это ты предлагала за него столько, сколько стоит остров?

В ответ возмущенно фыркаю.

—Острова стоят меньше.

—А когда я не продал, решила украсть.

Я пожимаю плечами. Что тут добавить?

—Законы Самхета запрещают воровство.

—Я не живу по Законам Самхета.

Он не подходит, а просеивается ко мне. Взгляд не обещает ничего хорошего.

—Так ты солгала, когда сказала, что веришь в Многоликого?

Качаю головой.

—Нет. Я сказала, что верю в Великого Многоликого Бога, но не говорила, что соблюдаю Законы Самхета.

—Ты устойчива к Подчинению?

Киваю.

—А к магии Нистагийского кубка?

—Нет.

Смотрит на меня с сомнением. Ищет вопросы, которые помогут ему вскрыть мою ложь.

—Ты меня хочешь?

—Да. Убить, — улыбаюсь одной из улыбок, которой научилась у своего Учителя. Или у Побратима. Не знаю у кого точно.

Оказывается, Кубок не только заставляет говорить правду, но и вытаскивает на поверхность эмоции. Мне бы такой пригодился. Чтобы наконец научиться себя понимать.

—За что?

—За то, что топил меня.

Обдумывая мои слова, Сайлас начинает ходить вдоль полотенца, постеленного около ванной. Следом размышления затягивают и меня. С одной стороны, он меня топил. С дру-

гой—я забралась к нему в квартиру, хотела украсть медальон и ни за что не согласилась бы выпить из Кубка сама. У него было не так уж много вариантов. И, самое главное, он не был со мной жесток. Даже полотенце постелил. За такое достаточно обычной смерти — не Истинной.

У Бессмертных много жизней, а Истинная Смерть — одна. К физическим повреждениям они неуязвимы — регенерация сращивает ткани за считанные минуты. Многие заключают Магические Союзы — становятся Домантами друг другу и когда один умирает, второй это чувствует и может прийти на помощь. Голову на место приставить, например, или ногу.

С магическими повреждениями всё не так просто. Магия способна перекрыть процесс регенерации, тогда Домант может попросить помощи у Твай Дэ, служительниц культа Многоликого. Их Последние Приюты разбросаны по всей Срединной Трети, и они способны исцелять и снимать Проклятья. Из тех, которые можно снять.

Эгерии тоже умеют залечивать магические раны — кроме тех, что нанесены демонами или самой Тьмой. Только Твай Дэ, по милости Многоликого и Его Силой, способны противостоять Тьме. Но если Проклятие утянуло кого-то во Тьму — путь назад отрезан.

Там не поможет никто.

Только артефакты способны оборвать крепкую связь между бессмертным телом и бессмертной душой, сделав из Бес-

смертного—труп.

Но поверья говорят, что каждая смерть может стать последней.

Истинной.

После которой душа расстается с телом. Там ни Домант, ни Побратим не помогут уже. Каждый своё получит. Кто-то родится в теплом доме у очага в каком-нибудь Роду. Кого-то принесут в крепость Хамадар и оставят на ступеньках Храма. Это для тех, кто входит в Круг Самхета.

Для остальных — тех, кто поклоняется другим Древним Богам или ни в кого не верит — вариантов ещё больше. Если они умерли без долгов или имеют Брата по Оружию, который сможет отдать их за них, то они родятся вновь. Хуже всего умереть с Обетом —это однозначно дорога в одну сторону.

Поэтому те, кто постоянно рискуют жизнью, живут без долгов. И даже несмотря на свое бессмертие, Бессмертные стараются не умирать. Этот Бессмертный точно умирать не хочет. И если я его убью, он будет в ярости. И всё равно придётся убивать его Истинной смертью, потому что его ярость вряд ли будет тем, что можно пережить.

Эта идея мне не нравилась.

Я вздохнула и снова перевела взгляд на Бессмертного. Мужчина передо мной тоже думал о смерти. Моей. И эта мысль ему тоже не нравилась.

Я откинулась на спинку стула, отпуская мысли на повторный круг. Халат от движения раскрылся, и под своей тяже-

стью сполз сначала с плеч, а потом полностью с тела. Я осталась сидеть босая, с мокрыми волосами, в мокром платье и со связанными за спиной руками.

Даже если вид у меня был жалкий, этому Бессмертному меня жалко не было. Потому что взгляд его потемневших глаз практически на всем моем теле сразу выдал его с головой. Коктейль из других мыслей начинал медленно кружить воронку в его голове. И как-то так вышло, что мысль о моей смерти в этом водовороте стала теряться, исчезать, почти стираясь.

Это отдавало еще большими проблемами. Кто мог знать, что на него так странно подействует Очарование? Эта Магия должна была подчинить его волю. А не разбудить в нём желание.

Теперь он разглядывал меня, балансируя на границе, за которой мозг уже почти не соображал. За которой было только рваное дыхание и лихорадочный шёпот. И стоны.

Я должна была стать более осторожной с Бессмертными после прошлого раза!

Сейчас нужно уводить его мысли в другую сторону. В любую другую.

—Сколько ты хочешь за медальон? — говорю первое, что пришло в голову.

Он перестает впитывать мой образ и возвращается, переключается в другой режим моментально.

Даже если у него проблемы с самоконтролем, то не слиш-

ком большие.

—Зачем он тебе?

А вот на этот вопрос я раньше не могла себе точно ответить. Для ритуала он был мне уже не нужен. Я нашла другой способ достать кровь отца. Тогда зачем он мне?

Магия вытягивает ответ прямо из моего сердца.

—Это память.

—Память?

Киваю. У его взгляда такая власть, что я отвечаю на вопрос, который он даже не задает.

—О моем отце.

—Аццо дЭсте — твой отец?

—Да. — утвердительно склоняю голову.

Бессмертный застывает. Вглядывается в меня. Ищет в моем лице хотя бы отдаленное сходство с отцом.

Может не стараться — я на него не похожа.

—У Аццо были только сыновья. — недоверчиво качает он головой. — В роду дЭсте всегда рождаются сыновья.

Я киваю и тут же поясняю:

—Он просил о девочке мою мать. Это было его желание.

Сайлас прищуривается и в глазах появляется понимание. Ему известно, что Ифрита могла бы выполнить такое желание. Все ниточки сплетаются в узел—я показала знак ифритского Рода и сказала, что мать исполнила желание моего отца—и он решил, что я Ифрита. Но та, что дала мне жизнь, не была Ифритой. Хотя тоже могла исполнять желания.

— Уверена, что ты дочь Аццо? — спрашивает он снова, подходя ближе и вглядываясь в меня ещё пристальнее, словно стараясь уличить меня во лжи.

— Аццо д'Эсте — мой отец. — фразу я произношу чётко, но уже слегка раздраженно — не люблю объяснять дважды. — Я уверена.

— Маги Воздуха убили всех потомков рода д'Эсте. — качает головой Бессмертный, как будто ему это известно лучше, чем мне.

— Кроме меня. Меня они не нашли. — звучит это так, словно я считаю это личной победой. — Отец отдал меня в приют сразу после рождения.

В его холодных глазах появляется что-то вроде сочувствия. Я раздраженно морщусь — мне не нужно его сочувствие. Мне нужен медальон и время, чтобы подумать.

— Аццо отдал тебя в приют?

— Да, — киваю я. — На улице Матталето. Чтобы меня точно не нашли. Никто бы и не подумал, что в таком месте может быть дочь...

На этом слове я запинаюсь. Хочу сказать: «главы Ордена», но Магия Кубка сильнее. Она взламывает все стены, за которыми я столько лет прятала свои настоящие чувства.

И я говорю так, как думала всегда:

— ...у которой есть живой отец.

Да, всё своё детство я так и думала — что я круглая сирота. В той дыре просто не могли жить дети, у которых бы-

ли живые родители. Это было хуже, чем крепость Хамадар. Там, при Храме, хоть как-то можно было жить. А в приюте было дно. Настоящее, грязное, прогнившее дно.

Когда я была маленькой девочкой, помешанной на сказках, я думала, что меня украла злая ведьма и заточила в приют. Зачем? — не имело значения. Почему — и так было понятно: потому что она злая. Потому что ненавидит детей. А хуже приюта на улице Матталето трудно представить что-то, если ты не родился в аду. Только вот оказалось — меня отправил туда мой собственный отец.

— Ты его знал? — спрашиваю я.

Голос звучит тише, чем обычно, осторожнее — словно я не хочу касаться чего-то внутри. Кажется, эта тема до сих пор цепляет меня.

Бессмертный медленно качает головой.

Жаль.

Я опускаю взгляд — разочарование холодом проходит по коже. Кажется, я надеялась... Надеялась, что он сможет рассказать мне о нём хоть что-нибудь. Хотя что-то, что объяснит мне, зачем он так поступил.

— Для чего тебе медальон? — спрашивает он.

Голос звучит ровно, но я замечаю — он стал внимательнее.

— Он был на нём, — отвечаю я, — когда я его видела.

Он подаётся вперёд, как будто ответ для него важен.

— Ты его видела?

Киваю. Чувствую, как что-то внутри меня — тяжёлое, давно запёртое — поднимается из глубины.

— Да. Он приезжал... один раз.

— Расскажи мне, — тихо говорит он.

Комнату, этого Бессмертного, весь город сносит в пустоту, потому что передо мной поднимается выцветший от времени кирпичный дом со старомодными ставнями, выкрашенными зеленой краской, и ржавой водосточной трубой, свисающей с крыши. Я вижу это перед собой так же ярко, как в тот день. Словно он всё это время был где-то внутри меня.

— Это было на следующий день, после того как меня достали из пруда, — говорю я тихо. — Наверное, ему сказали, что я чуть не утонула... И он решил приехать. Я не знаю точно, почему.

— Ты тонула? — спрашивает Бессмертный.

Смотрит прямо, не моргает. И, кажется, даже не дышит. Я киваю.

— Да.

— Ты боишься воды? — его голос становится мягче.

— Нет, — качаю я головой. — Воды — нет. Я боюсь утонуть.

Он напряженно сжимает челюсть. В глазах — что-то похожее на сожаление. Или на злость. Скорее всего он думает: «Кто мог знать?» Когда он начинает говорить, голос его звучит хрипло, приглушённо.

— Расскажи... что помнишь.

Я смотрю на него в упор — я думала, что он не умеет задавать правильные вопросы. А теперь — не уверена. Может, он просто ждал, когда я буду готова отвечать.

— Меня одели в платье — розовое, с дурацкой лентой на шее. Заплели две косы. Потом вывели во двор и оставили. Сказали: «Гуляй». Я удивилась. Я была уверена, что меня больше не выпустят. Или... посадят на цепь.

Брови Бессмертного поползли вверх.

— Почему ты так думала?

— Потому что до этого я сбежала из приюта.

— Сбежала? — в голосе слышится удивление. — Почему?

Смотрю на него исподлобья. Какое он право имеет задавать мне такие личные вопросы? Об этом я говорила только с моим бывшим, больше ни с кем. Линда знает почти все, но даже ей я не говорила, почему сбежала.

— Я хотела сбежать всегда, — говорю наконец, не в силах сопротивляться Силе Кубка. — Каждый день. В тот дворец. Думала, там всё будет по-другому.

Он чуть наклоняется вперёд.

— В какой дворец?

— Его видно из приютского двора, — отвечаю тихо. — Он на горе. Я думала, что это самое красивое место на свете. Солнце садилось, всё погружалось в темноту, а тот дворец на горе светился под солнечными лучами.

Пытаюсь замолчать изо всех сил. Но у меня не выходит. Из-за кольца моя Магия перемалывает влияние Кубка лени-

во, как мельничный жернов пшеницу в безветренный день. И я продолжаю говорить.

—Я думала, что там живут особенные люди. Те, которые любят детей.

—А кто там жил?

—Не знаю. Я видела только собак. Они держали доберманов для охраны.

Бессмертный медленно наклоняется ко мне. Во взгляде появляется что-то опасно блестящее. Что-то, предназначавшееся не мне.

Другим.

Может, тем, кто жил в том доме?

Только в эту секунду до моего сознания начинает доходить, насколько сильно меня трясет. Колотит так, что сложно дышать.

—Они тебя тронули? —спрашивает тихо. Мягко.

—Да. Один раз. — киваю я. — За ногу укусили. Я думала, они меня разорвут. Но я успела сбежать. Я была маленькая и тощая —под воротами пролезла.

Подсвеченные окна домов за его спиной расплываются бесформенным пятном, на первый план выходит его лицо. У него тяжелый, практически неподъемный взгляд, который предназначается не мне. Он подозрительно долго молчит, как будто обдумывает что-то. А потом спрашивает.

— Ты знаешь, как называется этот дворец?

Я киваю.

— Да. Торрекьяра.

— А кому он принадлежит? — продолжает он, всё ещё не отрывая взгляда.

— Мне.

Лицо Бессмертного каменеет.

— Тебе?

— Да, — киваю я. — Уже пять лет.

Он поднимается и сощуривает глаза. Рассматривает меня. Внутри просыпается острое желание уйти, отвернуться от этого взгляда, слишком испытывающего. Слишком выворачивающего внутренности.

— А что с прошлыми хозяевами? — спрашивает он. Голос делается ниже. Взгляд — холоднее.

— Не знаю. — качаю я головой.

— Не знаешь? — хмурится Бессмертный. Кажется, он мне не верит.

— Нет. — равнодушно пожимаю я плечами. — Я их не видела.

— Даже когда покупала дом?

— Я его не покупала. Мне его подарили.

— Кто? — голос Бессмертного становится резким.

— Бывший, — коротко бросаю я.

Он склоняет голову в вопросительном жесте.

— Бывший кто?

Я поджимаю губы — с меня достаточно этого разговора.

— Тебя это не касается.

Это правда. Чистейшая.

Какое ему вообще дело? Тем более я и сама не знаю, кто мне Кинай теперь и может ли он стать когда-нибудь бывшим, после того, что он сделал.

— Не касается, значит. — даже воздух в комнате становится прохладнее от его ледяного голоса. Разговор снова съезжает на скользкую дорожку — я снова пробую лавировать.

— Зачем тебе медальон? Ты же не из Ордена Огня.

— Отдать Кровный долг. — коротко бросает Бессмертный.

Я резко поднимаю голову.

Кровный долг?

Сердце пропускает удар. Такие долги связывают только кровных родственников.

Он... что, мой брат?

Так вот откуда такая реакция при встрече. Да, я мечтала о брате. Но мысль о том, что этот мужчина может им оказаться, не вызывала радости.

— Так ты мой брат? — спрашиваю я осторожно.

На его лице появляется выражение, которое невозможно описать.

— Нет, конечно.

Это его «конечно» выбивает у меня из-под ног землю. Мог бы просто сказать «нет». Зачем это «конечно», от которого я чувствую себя грязью, струшенной с подошв его ботинок? Внутри медленно разливается чёрная едкая желчь.

Высшие Силы сегодня просто переплюнули себя.

Хотя нет.

Бывали дни и похуже. Тот день был хуже. Тот бесконечно-безумный день на моем последнем Задании. И тот день, когда ушел Учитель—он тоже был хуже. После него моя жизнь совсем съехала с катушек. Хотя я иногда еще мечтаю о нормальной жизни.

Но у меня—своя.

В которой десять тысяч сторон, но ни одной, где было бы хоть немного проще.

Бессмертный присаживается напротив, так, что наши лица теперь находятся на одном уровне. Я отворачиваюсь. Не хочу даже смотреть в его сторону.

Но разум методично продолжает собирать факты, складывая из них нечто, отдалённо напоминающее истину. Я сегодня не в себе. С самого момента разморозки. Все мои реакции больше подходят девочке в розовом платье с улицы Матталето.

Но никак не мне.

Я не маленькая девочка, чтобы обижаться на такие вещи.
—Я Бессмертный, — говорит мужчина, сидящий напротив. —Ты же увидела это ещё в ресторане. Я не мог быть твоим братом. На Земле Бессмертные не рождаются.

Его низкий голос звучит совсем тихо. Ввинчивается в моё сознание, заставляя понять: он не хотел меня унижить. Он так резко ответил, потому что то, что крутилось у него в го-

лове, точно не могло относиться к сестре.

— Расскажи мне об отце и о том дне, когда ты его видела.
— задаёт он новый вопрос, когда я немного остываю.

Повинуясь Магии, собираюсь с мыслями и продолжаю:

— Сначала я походила по двору, а потом забралась на забор — и увидела его. Он стоял рядом со своим Порше 918, черным, блестящим. В чёрной кожаной куртке, с этим медальоном на груди. И смотрел на меня. Я узнала его сразу. По взгляду, которым он на меня смотрел, поняла — он мой отец.

— И ты поэтому думаешь, что Аццо — твой отец? — Бессмертный недоверчиво вскидывает бровь.

— Нет, конечно! — прищурилась я. — По-твоему, я идиотка? Он оставил мне письмо! И свой Кровный Долг! Вообще все свои долги! И свою войну! Орден без Боевых Магов и этого придурка Антонио в качестве Главы! На, Кайла, справляйся, тебе же больше делать нечего! А сам я, Боевой Маг, сильнее своего врага на голову — умру на площади Санто-Стефано от сосулек, потому что не знаю о Заклятье Щита, которое известно даже Огненным Волшебницам!

Бессмертный понимающе усмехнулся. Видно было, что он примерно такого же мнения об этой ситуации.

— И ты отдаешь за отца долги?

— Я уже отдала все долги! — отрезаю я раздраженно. — И соержу его Орден. Учю их. Я одна осталась из рода дЭсте. Если ты не мой брат, тогда как может быть у тебя Кровный Долг?

—Тебя это не касается. — цедит Бессмертный.

М-м-м, не касается, значит... Ну ладно! Око за око. Мстительный какой! Думает, только он умеет замалчивать важное и выбирать, чем делиться?

—У нас одно дело? — делаю я новую попытку.

—Возможно, — уклончиво отвечает он

—Тебе нужен медальон для обряда в день Равноденствия?

— спрашиваю я прямо. — Такая услуга была указана в контракте?

—Да. И такая тоже.

Усмешка углом рта говорит о том, что он вспомнил наш с «не-мистером Гейтом» разговор об услугах. И теперь думает обо мне, как об Огненной Волшебнице — во взгляде серых глаз читается желание. Я внутренне напрягаюсь, но следующий вопрос меня удивляет.

—Зачем ты залезла на забор? — спрашивает он, в голосе слышится любопытство.

Не знаю, что меня больше удивляет — вопрос или тот факт, что он вообще его задал, но я продолжаю:

—Я любила везде залезать. На деревья, заборы. Любила на улицу смотреть. Там была дорога. И жизнь.

Он ничего не говорит. Фиксирует факты с невозмутимым видом.

—А что было в письме, которое тебе оставил Аццо?

—Вряд ли тебя это касается, — отвечаю я хмуро. Если бы не Магия Кубка— я бы даже не ответила. Я до сих пор

злилась на Аццо за то письмо.

Помню, как оно летело, скомканное моей рукой. Как бумага сжималась, чернела, превращаясь в маленькую горящую точку — это было окончание. Никакого сожаления. Никаких слов «Мне жаль, дочь моя... Я хотел поступить иначе, но...». Только бессмысленные наставления, как мне управлять ЕГО Орденом, как будто я — просто часть его наследия. Письмо не заслуживало даже смерти в огне. Оно было слишком ничтожным.

—Если там была информация про Ключ, то меня это касается. — уверенно произносит Бессмертный.

—Выходит, у нас одна цель? Ты тоже ищешь Ключ? — изумлённо вскидываю я брови. Коварная сила Кубка не дает мне сдерживать эмоции.

Он никак не реагирует на мою вспышку. Спокоен, как камень. С чего я взяла, что у него проблемы с самоконтролем? Может, из-за того, что решила, что мы с ним похожи?

—Что ты знаешь о Ключе? — спрашивает он медленно, переплетая пальцы в замок и всем своим видом выражая готовность слушать.

—Его нужно найти и запустить новый Источник Магии Огня. Иначе Земля замёрзнет. — отвечаю я чётко, словно повторяю заученную фразу.

—Значит, правда, что ваш мир может замёрзнуть? Когда? — Он ведёт допрос спокойно и неторопливо, чтобы не упустить ни единого факта.

—Я не знаю. — качаю я головой. — Об этом никто не знает.

—Площадь Санто-Стефано замерзла. И колодец Святого Патрика в Орвието, в Умбрии. Что ты об этом знаешь?

Стоп! Колодец Святого Патрика? В Умбрии?

—На площади Санто-Стефано умер Аццо, а в Орвието, рядом с колодцем, — Селестино д'Эсте, его старший сын. — говорю я медленно, потому что проваливаюсь в размышления. Так вот, о каком втором месте говорил Кристиан! Вряд ли то, что замерзают места, где умерли Давшие Зарок — просто совпадение.

Мужчина, стоящий напротив, тоже приходит к этому выводу.

—Ты знаешь, где умерли потомки рода д'Эстэ?

—Где умерли все, я не знаю, только некоторые. — отрицательно качаю я головой. — Но в Ордене должны быть записи.

Он кивает и продолжает вопрос.

—Что ещё ты помнишь?

Хочу ответить «ничего», только я уже в другом мире. Воспоминание прокатывается вверх по венам и, оборачиваясь водной рябью, стучится в мои виски.

—Я помню пруд. Помню, как бросала камешки. — улыбаюсь я помимо воли. —Я всегда попадала в центр круга. Даже с закрытыми глазами. Думала, что это волшебство. Суперспособность. Что я—особенная.

Ловлю его удивленный взгляд.

— Это же камень оставляет круги на воде.

— Я не знала об этом. Я была ребенком, — говорю ему мягко. Те чувства — самая светлая часть моего детства.

Кажется, он понимает.

Мы какое-то время молчим.

— Что было потом?

— Потом я рассказала об этом мальчику из приюта. — мой голос становится глухим, и я замолкаю.

— Что он сделал?

Не хочу об этом говорить. Но всё равно продолжаю.

— Сказал, что это камни оставляют круги на воде. И что я дура. И девчонка. Или дура, потому что девчонка. Я не помню точно. И я сбежала.

Может быть, сейчас это кажется глупым, но тогда, в детстве, для меня это была настоящая трагедия — лишиться Волшебного Дара.

Сила Кубка угасала. Скорее всего, у меня хватит сил не рассказывать ему конец этой истории про девочку, которая в пять лет перелезла через забор и, доверяя дороге и свету звёзд, отправилась навстречу своей мечте. А вернулась в полицейской машине с перевязанной лодыжкой и истекающей кровью душой.

На следующий день было солнечно. И от этого ещё хуже. Потому что я любила солнечные дни. Любила сидеть около пруда и бросать камешки. Или болтать ногами в воде. Или

просто жмуриться, подставляя солнцу нос и щеки, и мечтать.

Но мечтать больше было не о чем. Я доверилась пути, а он привел меня туда же, откуда я начала.

Круг замкнулся.

Больше не было «завтра» с чашкой теплого молока в ладошках. Не было ласкового закатного солнца. Не было двorca и добрых людей. Было только сегодня, в котором я дура и девчонка.

Сегодня, которое не кончится никогда.

А я хотела, чтобы оно кончилось.

Быть готовой ко всему—это значит выбрасывать из головы эмоции ради победы. Этот Бессмертный тоже ищет Ключ. И может быть мне полезен.

Что ж, ему повезло.

Небоскрёбы сегодня были гораздо ярче обычного. Я смотрела на город за окнами с единственной мыслью: что бы кто не говорил, но когда я бросаю камешки в воду, то всегда попадаю в центр круга.

—Послушай, если у нас с тобой одна цель, может, ты меня развяжешь, и мы нормально поговорим? У меня уже ссадины от верёвки. — сообщаю я жалобно. —Обещаю не пробовать тебя убить. — добавляю с улыбкой, вкладывая в нее немного кокетства, как обычно делает Линда, когда пудрит мозги очередному ухажёру.

Сайлас усмехается, не сводя с меня глаз. Взгляд означает что-то вроде: «Детка, меня не так просто убить. Но ты мо-

жешь попытаться. Если готова к последствиям».

Улыбка не смягчает его лицо, только делает его более сексуальным и более живым. Я на «детку» не злюсь. Сейчас это не имеет значения. У меня есть план. А для этого мне нужны свободные руки.

Конечно, он развязывает верёвку — красивым женщинам редко отказывают.

Вытягиваю руки перед собой, чтобы ему было хорошо видно багровые полосы на запястьях. Зря, что ли, я терла их всё это время?

Он снова присаживается рядом, только теперь берет мои ладони в свои. Гладит большими пальцами ссадины от верёвок. Чувствуя тепло его рук, слежу, как мягко двигаются его пальцы по моей коже. Этот момент кажется слишком интимным для нас, и память подкидывает картинку его пальцев, вычерчивающих только ему понятные рисунки на ткани моего платья, и его обжигающий взгляд.

Чувствую сладкую тяжесть внутри, и от этого ощущения ребра сковывает рваный вдох, а сердце уверенно начинает взвинчивать пульс. Очередной раз задаюсь вопросом: что со мной происходит, когда этот Бессмертный оказывается близко?

Это я на него так реагирую или я после заморозки на всех так реагирую? Потому что Кристиана я хотела не меньше.
— Расскажи мне конец этой истории.

Позволяю себе расслабиться, и течение подхватывает ме-

ня. Я умею нравиться мужчинам, когда хочу этого.

—Конец? У этой истории пока нет конца! А у меня всё ещё есть суперсила—попадать камешком в центр круга!

Он откидывает голову и смеётся. Мне нравится, как он смеётся. И мне нравятся те, у кого всё в порядке с чувством юмора.

Наконец поднимаюсь со стула. Растрепываю подсыхающие волосы красивым и изысканным движением. Он цепляется за это, как рыба на крючок. Не отводит глаз, следит за каждым действием напряжённым, хищным взглядом.

Может, и неплохо, что на него так подействовало Очарование.

Возвращаюсь в комнату. Медленно прохожу через дверной проём. Он позволяет мне это сделать, но это не свобода—иллюзия. Чувствую, как вокруг комнаты уплотняется Заклятье Щита. Отпускать он меня не собирается. Он уже всё решил. У него всё просто: хочу — значит, получу.

В принципе, у меня так же.

Сайлас снисходителен — позволяет мне взять бокал с вином. Смотрит, как я подношу его к губам и, делая глоток, подмигиваю ему.

—За знакомство.

Улыбаюсь. Таких улыбок в моем арсенале немного. Обычно мне не приходится строить глазки мужчинам. Я хотела это вино и получила. Теперь хочу свободу.

Опускаюсь на его постель.

Медленно пью.

Вино идеально — даже не нагрелось. Смотрю через стекло на свет, наслаждаясь роскошным вкусом и оттенком светлого янтаря в бокале. И заодно подсчитываю шаги до балкона.

Сайлас не двигается — как вошел, так и стоит. Смотрит. Совмещает в сознании эти образы — я и его постель. Я — в его постели. Образ попадает в цель, заражая его мысли ядом желания, который медленно травит его, превращая кровь в густой огонь.

Он хочет меня.

А я хочу свободу. И собираюсь её получить.

Поднимаюсь с постели, оставляя бокал на полу.

— Ой, я сумочку на балконе забыла! И туфли!

Проскальзываю к дверям, улыбкой и взглядом обещая ему блаженство, если он позволит забрать свои вещи. Похоже, он не в курсе, насколько женщины могут быть хитры — вряд ли из его постели сбежала хоть одна. Скорее ему оттуда приходилось их изгонять, когда они ему надоедали.

Поэтому он позволяет мне это сделать. Позволяет приблизиться к балкону. Он просто не знает, насколько коварна моя Раса.

Мягкая дымка укрывает ночной город, как стеклянный колокол. Чернота неба скоро превратится в синеву рассвета, и в уличном воздухе уже витают безмятежные нотки утреннего Милана. Это свежий запах наступающего дня, тумана и

прохладного солнца.

Сегодня для меня так пахнет свобода.

Я прыгаю.

Небо, а за ним проезжая часть, успевает рвануться мне навстречу, пока я сдергиваю кольцо. Тело взрывается волной адреналиновых мурашек, и я просеиваюсь.

Наверное, Сайлас решит, что я чокнутая.

Он просто не представляет, насколько...

Глава 6

Wunjo Гармония. Исполнение желаний.

В своей комнате в Аббатстве пытаюсь перевести дыхание. Сердце колотится как сумасшедшее. Адреналин несётся по венам.

Закрываю глаза. Мир исчезает. В этой темноте я замедляю дыхание. Вдох. Выдох. Ещё раз. Пока сердце не успокаивается.

Стягиваю платье через голову, снимаю бельё, закидываю всё на дно душевой кабинки. Огненный шар слетает с руки коротким движением спички. Когда одежда догорает, смываю пепел в водосток и становлюсь под воду.

Я хотела тишины и времени подумать. Сейчас хочу только тишины.

Обжигающие струи, текущие по моей коже, начисто стирают контуры всех запахов, прикосновений, чувств этого вечера. Всё, что не под силу смыть воде, смывает мыло. Стою под душем не меньше часа. За это время приканчиваю бутылку геля и флакон шампуня. Пена, сворачиваясь в белые хлопья, падает на дно душевой кабинки, и горячие струи уносят её в водосток.

Значит, у нас на игровом поле новая фигура — Сайлас Гейт. И ещё одна — Кристиан Ван Вельт. Кристиан — король противоположного лагеря. А Сайлас? Мы с ним на од-

ной стороне? Или они оба — напротив, среди врагов?

Кристиан хотел поговорить. Этот разговор будет не в мою пользу — на войне чувства лишние. Нужен холодный разум.

А я чувствую.

И пока я чувствую, я не буду с ним говорить.

Иначе я проиграю.

А проигрывать не входит в мои планы.

В планах — забрать мою Хонду из гаража и больше в Ордене не появляться. И Кристиан, и этот Бессмертный могут меня тут найти.

После душа натягиваю костюм из гослинговой кожи. Он сшит по моим меркам и пропитан Защитными Эликсирами. Фалько на Эламрасе сколотил на них себе целое состояние. Но эта вещь стоит каждого кварта, который я за неё отдала. Ни пробить, ни порвать нельзя, но при этом ткань лёгкая и тонкая, как хлопок, хотя выглядит, как кожа. И в жару, и в холод в нём одинаково удобно. Куртка и брюки в комплекте с моей Хондой на автобане вполне сходят за байкерский стиль.

Самый короткий путь до гаража — через зал, но я почему-то сворачиваю к библиотеке. Ходить бесшумно — почти единственное полезное свойство моей Расы. Поэтому, когда тишину ночи нарушают едва слышные голоса, я даже не пытаюсь идти осторожнее.

Антонио стоит в пол-оборота, Сайлас Гейт — спиной. Времени он не терял. Пока я смывала вечер под душем, он копался в архивах.

— Антонио, почему посторонние в Ордене?

Маг подскочил так, как если бы я зарядила ему камнем в лоб, а не позвала по имени.

Сайлас повернулся медленно. Взгляд выхватил из темноты мою фигуру и пополз вверх по ногам, не пропуская ни одной детали.

В глазах на этот раз не было льда. Скорее прохлада.

Как ни странно, он на меня не злился. И был явно заинтеригован.

Антонио кое-как оправился от испуга и проямлил:

— Мистер Гейт VIP...

— В Аббатство разрешено входить только членам Ордена. Мистер Гейт аколит нашего Ордена? — спрашиваю я. Яда в моем голосе вполне достаточно, чтобы ему отравиться.

Подхожу ближе. Бессмертный возвышается надо мной, скрестив на груди руки — запястья кажутся тёмными по сравнению с белизной закатанных рукавов рубашки. Смотрит на меня с выражением, которое я не могу разобрать.

Или, может, не хочу?

Прохожу мимо, едва не задев его плечом. В нем вспыхивает злость, и мне в спину упирается теперь уже другой взгляд.

Вроде лезвия ножа.

Он меня не останавливает.

Я тоже не останавливаюсь. Сейчас не время и не место для разговора. А с Антонио я разберусь позже.

В гараже темно, как в шахте, и вообще ничего не видно. Но я знаю, что она там. И эта мысль начисто выметает из головы все другие.

Она там. В темноте.

Ночью Хонда Блэк Эдишн не оставляет свету никаких шансов. Каждая деталь скрыта завесой тьмы. Хром на трубах вилки заменен покрытием из оксида титана, а черные многоспицевые диски подчеркивают строгий стиль.

Она создана для острых ощущений и чистого удовольствия от езды.

Каким бы ни был вечер, каким бы ни был весь этот день — всё исчезнет, стоит мне тронуться с места. Ветер откинет волосы назад, по коже побегут мурашки, быстрые, как ток. Я вылечу на дорогу — подо мной ревущая мощь, и сто миль в час — это уже не скорость, а свобода.

Словно я наконец научилась летать.

Поворот ключа запускает молнию в движке. Сердце бьётся так, что из очередного удара может родиться цунами, которое накроет волной этот город. Даже не разгоняясь, получается вообразить, как километры шоссе исчезают под колесом. У выезда из паркинга притормаживаю.

Сайлас Гейт, опираясь спиной о стену, излучает скупающую элегантность — усмешка краем рта, руки привычно сложены на груди.

Из сада за поворотом тянет прохладой и мокрой землей. Там, за стеной, еле слышимые звуки города и резкие выкри-

ки птиц. И дорога, которая ждет меня.

Я снимаю ногу с педали и ставлю на асфальт. Он считает это, как приглашение к разговору.

— Это Хонда Аццо.

— Ты же сказал, что вы не были знакомы. — прищуриваясь я. Да, это Хонда отца. Но откуда он знает?

В ответ он удивляется.

— Я сказал, что не знал его.

Он прав: знать кого-то и быть знакомым — разные вещи.

Я киваю, соглашаясь с ним. И ставлю ему плюс. Он явно не глуп.

— Никто в Ордене не знает, что он мой отец. И никто не должен знать.

Он же ничего не сказал Антонио?

— Я никому не скажу. Это будет наш с тобой секрет, Кай-ла. — он снова делает это с моим именем, а его глубокий акцент вызывает дрожь в теле.

В таком духе я с ним говорить не хочу.

Ставлю ногу обратно на педаль газа.

Он не меняет положения: спокойный и самоуверенный, крепкие плечи обтянуты белой тканью рубашки, волосы на контрасте кажутся иссиня-чёрными, глаза — выточенными из серебра, а кожа — из бронзы. Высокий, тёмный Сайлас Гейт был откровенно сексуальным и прекрасно знал об этом.

А я знала, что он из тех, кто рассчитывает только на себя.

Как и я.

Скорее всего, он узнал от Антонио, что хотел, и нашел кого-то другого для ритуала. Поэтому наша беседа не имеет смысла.

Но я всё-таки делаю попытку договориться:

—Продай мне медальон, и я помогу тебе отдать Кровный Долг.

Он наконец отлипает от стены:

—Мы можем сделать это вместе, и в конце получишь медальон.

Раздраженно закатываю глаза. Вместе — это не про меня.

— Просто скажи, что у тебя за Долг.

Он напрягается. Не любит, когда кто-то лезет в его дела. Потому что он, как и я, готов охранять свое и держать его на безопасном расстоянии от чужаков.

— Ты хотела поговорить.

Это не предложение — приказ.

Пронизываю лицо Сайласа мрачным взглядом. Бросаю короткое:

—Не о чем нам говорить.

И жму на педаль газа.

Хонда вылетает из паркинга, как пуля.

Скорости достаточно, чтобы Сайлас Гейт, Кристиан и все проблемы этого мира перестали существовать. В такие минуты я полностью принадлежу этому городу, а он становится моим.

Я привыкла себе доверять. А реакции, которые выдавал

мой организм весь этот день, как минимум настораживали. Поэтому, поставив Хонду в гараж в Торрекьяре, я сняла кольцо и просеялась в мир, имя которого на Итси значило что-то вроде «забытая гора».

На деле это была пустошь. Она раскинулась вокруг меня песчаными холмами. Окружила холодным чужим воздухом. Повисла над головой бездонным небом.

Когда в сознании долгое время идет война, нужно такое небо над головой. И такая тишина, где можно почувствовать, что в этом мире ты не один. Поймать ту ноту запредельности, которую мы все стараемся уловить, когда теряем веру в себя.

Я приходила сюда, когда хотела побыть наедине с собой. Столкнуться тут с кем-нибудь из Бессмертных было практически невозможно — мир находился у самого края Срединной Трети, демоны тут не водились, и охотиться было не на кого. Ночь в этом мире была бесконечной — над мёртвой пустыней не было ни солнца, ни луны.

Что бы я тут ни делала, для меня всё имело особый смысл. Сюда я пришла после того, как ушёл Учитель. Этот мир был важен и для моего Побратима — по-своему. Только он сюда никогда не приходил.

Если он узнает, что я здесь бываю...

Я даже не хочу представлять его реакцию. Для меня лучше, чтобы он никогда не узнал.

Наедине с этим мёртвым миром мне было проще посмотреть внутрь, туда, где находится моя Сила. Раньше там был

плотный слой огня — так выглядела Архимагия. Чем больше Силы я собирала, тем плотнее был этот слой. Сейчас там, где раньше был огонь — была манящая глубина, не имеющая предела. Огня не было видно, только чувствовалось его тепло. Даже не само тепло, а что-то вроде обещания тепла.

Этры сказали правду: моя Сила вышла за Предел. Осталось только научиться ею управлять.

Начинаю сначала. Кату за Катой. С первого уровня.

Заставляю тело принимать Магию. Расширяю горизонты сознания, до которого никак не хочет доходить, что во мне теперь есть Сила размером со звезду. Нужно только научиться сдерживать её. Перед каждым взмахом руки приходится замирать, чтобы всё вокруг не взрывалось огненной бурей.

Обучаясь Магии, аколиты используют Жесты, пока их воля полностью не подчинит Силу. Потом уровень за уровнем привыкают выплетать Заклятья быстрее, пока те не начнут искрами вспыхивать в сознании, захлёстывая всё вокруг Магией.

Так становятся Боевыми Магами.

Мне давно под силу сжигать миры по щелчку. Но меня сдерживает Клятва. Меня и всех, кто владеет Магией. Мы даём Клятву Изначальному Огню не нарушать Закон Равновесия своей Силой. И Ходящие Тайными Путями зорко следят за выполнением этой Клятвы.

Руны текут под кожей, чтобы стать огнём меж пальцев и тут же угаснуть. Это тоже часть мастерства — гасить Закля-

тъя, не позволяя им проявляться. Когда наконец получается избавиться от Магии Жестов, только воля держит меня на ногах. Даже не помню, как просеялась в Торрекьяру и как добрела до комнаты —память сохранила только момент, где я падаю на постель.

Проснуться от голода — это что-то новенькое. Просыпаться от кошмаров гораздо привычнее. После почти суток сна и ещё двух — на Тивате моё тело решило, что еда важнее душа.

Но даже голод не мог заставить меня готовить.

На кухне вытаскиваю хлеб из шкафа и начинаю сосредоточенно жевать. Дожидаясь, пока подогреется молоко, вспоминаю, что закончился кофе.

Жить без кофе не представлялось возможным.

Поэтому, когда Марджери прибежала на кухню, чтобы соорудить подобие завтрака-обеда, я попросила её не спешить, допила молоко и наконец отправилась мыться.

Порше остался на парковке возле Черезио 7, а ключ от него в сумочке на балконе снобистской квартиры Сайласа Гейта, вместе с моим телефоном и туфлями. Это не могло испортить мне планы.

Я просеялась на вокзал Гарибальди и вызвала такси. Доехала до ресторана, открыла Порше запасным ключом, села в машину и привычно положила руки на руль. Машина раньше тоже принадлежала отцу, как и Хонда. Орден продал их вместе с остальным его имуществом: медальоном, картина-

ми и артефактами — а я купила. Они продали всё, что можно было продать, кроме Аббатства, которое заложил ещё мой отец. Швыряться деньгами, как фантиками, было у Огневиков нормой. Дела в Ордене после смерти отца шли отвратительно. Денег не было. Новых аколитов не искали — не было артефактов для поиска.

Любопытно, как мог выглядеть план победы над Магами Воздуха без меня?

Я нажала на педаль газа. Проводила глазами стрелку, привычно прыгнувшую за двести. Внешне на отца я не похожа, но всё-таки у нас с ним есть кое-что общее — он тоже любил скорость.

На Пьяцца Кордузио мест для парковки не было, и мне пришлось оставить машину на соседней улице и идти до Старбакса пешком. В этом раю для любителей кофе была собственная мини-фабрика для обжарки и помола и стильные чёрные стаканчики с золотой звездой.

Воздух тут пах суетой большого города, зимнее солнце не слепило — только мягко касалось лица. Хотелось сесть на веранде со стаканчиком кофе и смотреть на людей, улицу, дома, на всё, что вокруг и ни на что. Просто скользить взглядом вдоль тротуара... Но времени на это не было. Обряд нужно было провести сегодня.

В гараже лежит пакет с деревом для костра. Кровь отца, которую алхимики выделили из моей, я забрала у Торио ещё месяц назад, когда рассталась с надеждой купить медальон

у мистера Гейта. Магией теперь я владела так же, как до заморозки. Осталось выпить кофе перед ритуалом. И от конфетки я бы не отказалась.

Быть готовой ко всему — это когда у тебя есть план, и ты ему следуешь, несмотря на повороты судьбы. Его я заметила сразу, как только свернула за угол. По тому, как расступались люди. Как оборачивались. Он был вызовом их спокойному миру. В мужчинах он будил инстинктивное чувство страха, и многие смотрели на него с опаской. Женщины, вероятно, считали его неимоверно притягательным. А судьба посчитала, что двух наших встреч недостаточно для привычки и решила устроить третью.

Он шел, не обращая на расступающихся людей внимания. Привычная картина: мир уступает Сайласу Гейту дорогу, а ему наплевать.

Он был не один. Рядом с ним вышагивал Светлый Эльф и Мартина. Эльф был или совсем молодым, или из Отступников. Но точно не из Вечного Леса, потому что я видела его впервые. Светлый, как любой Эльф, был безупречно красив. Уши он скрыл, но крайне надменное выражение, с которым он оглядывал окружающих, выдавало в нём представителя Древней Расы. Мартина смотрела на него с обожанием. Если бы не моя просьба остаться в Ордене, рядом сейчас была бы Линда. У неё уже Седьмой, а Мартина едва дотянула до Шестого уровня.

Вот, значит, с кем он подписал контракт.

Я могла бы пройти мимо. Просто отвернуться. Сделать вид, что не заметила его. Или даже накинуть Морок, чтобы он меня не увидел. Но... спокойно встречаю его взгляд. Отвечаю таким же.

Этот взгляд отсекает нас от внешнего мира, здесь всё словно происходит по ту сторону зеркала. Мы смотрим в глаза друг другу. Мир идёт рябью, как рисунок на дне озера, искажённый течением.

Как тогда, на крыше.

Во взглядах одно и то же — вопросы, которых становится только больше. Через пару вдохов мир возвращается на прежние рельсы. Дальше он изучает меня взглядом спокойного хищника, оглядывает с ног до головы.

Я тоже обвожу его взглядом. Собственно, в нём практически ничего не изменилось — чёрные волосы по-прежнему растрёпаны, белая рубашка по-прежнему безупречна. За исключением того, что широкий разворот плеч в пальто смотрелся ещё более сексуально.

На секунду кажется, что мы так и пройдём мимо, как два поезда, идущих параллельно. Но секунда проходит быстро. Мартина тормозит так резко, будто налетела на стену.

—Кайла! Я тебе звонила целые сутки! Ты не брала трубку.

Я даже не пожимаю плечами. Ну и что? Как будто это важно.

—Мне нужна помощь с заданием.

—Откажись от него, — бросаю на ходу, не сбавляя шага.

Это выбивает из-под Мартины опоры, и всё, что она делает перед тем, как упасть, —это поворачивает голову и цепляется взглядом за Светлого.

Отказаться от задания для неё значит отказаться от него. Отказаться от удовольствия, которое она уже считала своим. Она просто помешана на Светлых Эльфах. Конечно, он был в том контракте. И, конечно, у Сайласа Гейта имеется достаточно лакомых кусочков, чтобы держать Огненную Волшебницу возле своей ноги.

Мартина складывает руки в умоляющем жесте. Взгляд можно назвать жалобным, но скорее жалким.

—Я подписала контракт.

—Откажись. Я оплачу неустойку.

По выражению в моем голосе Мартина понимает, что второго шанса у неё не будет. И она в прямом смысле падает. На колени. Прямо посреди улицы. Цепляется за мою юбку. Я едва успеваю дернуть её наверх, потому что люди начинают смотреть на нас.

Но она всё равно шепчет:

—Прошу именем Принявших Зарок, сестра. Помоги!

И склоняет голову. Смотрит. Надеется.

А я просто стискиваю зубы. Потому что после такой просьбы у меня нет вариантов, и чем быстрее я с этим закончу, тем лучше.

— Что тебе не понятно? Или всё не понятно?

— Там в задании... — начинает Мартина.

— Я знаю, что в задании. — прерываю волшебницу. — Что тебе не понятно?

Она переводит взгляд за мою спину. Туда, где, по всей видимости, находится Сайлас Гейт. На лице вспыхивает обожание, пополам со страхом.

—Мистер Гейт всё объяснит. Но... я не могу посчитать направление. Воздух начинает дрожать электричеством, потому что Сайлас подходит ближе. Останавливается за спиной.

—А ты ещё не считала? —голос, густой и глубокий, возвращает меня в его комнату. В тот момент, где его пальцы на моем подбородке, и только один шанс не провалиться под тонкую грань, за которой всё будет слишком сложно.

Разворачиваюсь так, чтобы не стоять к нему спиной. Он отмечает моё движение. Слишком плавное и быстрое для смертных. Взгляд становится пристальным. Пять последних лет на Земле не сделали меня и близко человеком. Когда мне что-то угрожает, я реагирую так, как меня учили.

Как-то так выходит, что я отвечаю ему, хотя не собиралась.

—Сейчас и посчитаю.

Сила чувствуется в каждом его слове. Он может обойтись без Магии — сама его воля подчиняет тех, кто рядом. В голове щёлкает: от этого Бессмертного нужно держаться подальше. Нужна дистанция. А лучше — стена.

—Дай мне что-нибудь, — протягиваю руку Мартине. Она

быстро достает помаду из сумочки. Зажимаю её в руке — Руны Огня текут к ладони, вцепляются в пластик и сжигают его в чёрную пыль.

Да, мне удалось снова стать нормальным Боевым Магом. Я больше не пользуюсь Магией Жестов. Надеюсь, Сайлас Гейт оценит это как предупреждение.

Поднимаю на него взгляд. Он оценил — поднял одну бровь, улыбнулся углом рта. От моего короткого выдоха пыль рассыпалась по асфальту угольно-черным пятном.

— Эта тоже Огненная Волшебница? — Светлый говорит на синдарине. Вопрос адресован Сайласу.

В городе становится холоднее. Как будто температуру переключили на мороз.

Может, из-за моего ледяного взгляда, которым я припекаю Светлого к тротуару? Или из-за примерно такого же по градусам голоса Сайласа, когда он произносит:

— Эта — Боевой Маг Ордена Огня.

— Ты откуда? — задаю вопрос на синдарине. Сомневаюсь, что этот ушастый знает итальянский. — Из Плектагласа?

Эльф переводит взгляд на Сайласа. Пытается понять, можно ли отвечать на этот вопрос. Мне этого достаточно. Эльфа из Вечного Леса уже перекосило бы от такого предположения.

— Значит, из предателей. — подвожу итог. Эльф вскидывает голову. Зашипел бы, если б умел.

— Плектаглас — колыбель Свободы, — цедит сквозь зубы.

— Разве? — делаю самое невинное лицо. — Насколько я знаю, Плектаглас — колыбель предавших своего Короля и свой Народ.

Эльф делает резкий рывок ко мне. Но он слишком медленный. Сайлас Гейт быстрее. Рука взлетает, преграждая дорогу. Эльф переводит пылающее яростью лицо на Сайласа.

И остывает моментально.

Как будто впечатался в сугроб. Что-то во взгляде Бесмертного заставляет его вырубить эмоции. А я продолжаю:

— Ты там родился?

Он не отвечает, но это и не нужно. Я знаю ответ. И Сайлас Гейт, думаю, тоже. А Мартине до этого вообще нет дела.

— Значит, тебе не дано было увидеть величие своего Короля. — вздыхаю я. — Не позволено смешаться со своим Народом. — печаль в моем голосе даже глубже, чем во взгляде. Эльф слегка заторможен от неожиданных эмоций в моем голосе.

Добавляю:

— Сколько же лет ты прожил рабом?

Ну, потому что не надо было встречаться на моём пути!

— Рабом? — у Светлого даже губы затряслись от негодования. — Я — свободен!

— Откуда ты знаешь? Если ты никогда не жил по-другому?

Светлый смотрит на Сайласа и тихо, но отчётливо рычит:
— Она тебе нужна?

Сайлас не отвечает. Просто переводит на него взгляд. Что там в нём — не разобрать. Светлый покорно отступает. Начинает изучать улицу с таким видом, будто ему резко стало не интересно.

Что его держит рядом с Сайласом Гейтом? Деньги? Или долги?

Вряд ли преданность.

Он из Плектагласа и не в курсе, что для меня хороший Светлый — мёртвый Светлый. В ладонях почти ощущаю гладкое дерево Тенетайна.

Пальцы на тетиве...

Мир стихает, готовясь к полёту стрелы...

Но... нельзя просто так взять и пристрелить кого-то, даже если он тебе не нравится. Даже если не нравится весь его Народ. Хотя мой Побратим бы с этим не согласился.

Мне нужна всего секунда, чтобы снова взять себя в руки. Накидываю Морок на нашу компанию, чтобы не привлекать внимания. Черчу на асфальте, засыпанном пеплом, планеты Срединной Трети, расставляю аспекты.

Мартина не посчитает направление в этом Обряде. Для этого нужно знать гораздо больше, чем учат на Земле. Пытаюсь по ходу ей объяснять. Но с каждой цифрой и линией выражение на её лице становится всё печальнее. Заканчиваю расчёты. Пишу внизу координаты. В эту точку на небе ей

нужно послать Заклятье во время Обряда. И мне. Спрашиваю:

— Запомнила?

Мартина только качает головой, вынимает из сумочки телефон и делает снимок.

— Сделай якорь. И не жалея на него Силу. — добавляю я напоследок.

Волшебница кивает, но как-то неуверенно. Снова переводит взгляд на мистера Гейта. Я даже смотреть на это не хочу. На её просящий взгляд. На щенячью преданность.

Мартина—одна из лучших в Ордене. Лучшая из худших. Одна из тех, кого поленились убить Маги Воздуха. И, как всегда, на мели. Ждёт от мистера Гейта подачку.

На Земле Силу можно купить только у Альянса. Архимаг может просеяться в другой Мир и добыть Силу, как любой Бессмертный. Если бы она стала Архимагом, её жизнь могла быть другой. Такой, в которой у неё есть выбор. А не представлять собой длинную вереницу мужчин, готовых оплачивать её счета в обмен на страсть.

Выметаю Заклятьем пепел начисто — чтобы не оставлять следы. И даже не пытаюсь понять, как паутина линий моей жизни, которая давно утратила какую-нибудь чёткость, сложилась так, что я теперь стою на этой улице. Я не собиралась искать Ключ вместе с этим Бессмертным, но я уже это делаю. Посчитала направление, которое он сам бы не посчитал — для этого нужно быть, как минимум, Магом Огня.

Это даёт нам практически равные шансы на поиск Ключа. И повышает шансы того, что он и дальше будет путаться у меня на дороге. Поднимаю на него глаза. Это уже второй убийственно-хмурый взгляд, которым я простреливаю его. Только это на него никак не действует.

— Спасибо, — в его голосе слышится что-то, похожее на благодарность.

— Она просила именем Принявших Зарок.

Мой голос полностью вычищен от эмоций.

Это никогда не бывает хорошим знаком.

Знай он меня получше, то понял бы, что из вариантов у него один — не встречаться больше на моём пути.

Глава 7

Jera Цикл. Результат. Время.

Багровая полоса заката над лесом, его мягкий отсвет — на крышах замка. С последним лучом солнца разжигаю костёр. Привычно поднимаю глаза к небу. Нахожу созвездие Дракона.

Нам, живущим под этими небесами, теперь даже невдомёк, что мы все ходим под Драконами. В древности было иначе. В древних легендах драконам принадлежало особое место — бесстрашных Хранителей Мира.

Тишину ночи нарушает потрескивание древесины. Пламя неторопливо облизывает дрова. В каждом из них заключена особая, скрытая сила. Они зачарованы и дают жара столько, сколько могло дать огромное дерево.

Кидаю Якорь к востоку — к самым Альпийским горам, — и к югу, до Лигурийского моря, откуда ветер доносит запах соли и скошенной травы; к северу, где протянулись мили городов до самого обрыва, — в те места, где я никогда не была, но до которых легко достаю Силой; и к западу, вдоль реки, вверх по болотистым равнинам.

Учитель всегда смеялся, когда я ставила Якорь. И Побратим тоже. Им, прочно стоящим на ногах, не понять нас — живущих, как растения без корней, гонимые ветром. Они думают, что не нужно тратить столько Силы на Якорь. Что до-

статочно слегка «припечатать» себя к земле — и всё. Намекнуть миру, что ты решил задержаться тут чуть дольше. Но фишка в том, что даже если они вообще не поставят Якорь — нет шансов, что в их планы посмеет кто-то вмешаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.